

ДНЕМ ПОБЕДЫ НАГРАДИЛА!

Стихи о Великой Отечественной войне. Части 6 – 10

Автор подборки В. Судаков

ОГЛАВЛЕНИЕ

6. В БЛОКАДНОМ ГОРЬКОМ ЯНВАРЕ...	3
7. Я РАНЕН БЫЛ В МОЕМ ОТЦЕ	24
8. ТОРОПИТЕСЬ НА НАС ПОСМОТРЕТЬ!	59
9. АФГАН, ЧЕЧНЯ, СЕРБИЯ И	83
10. СМЕТАЯ ПЫЛЬ С ПЕЧАЛЬНЫХ ПЛИТ	107

6. В БЛОКАДНОМ ГОРЬКОМ ЯНВАРЕ...

Леонид РЕЗНИКОВ
г.Новоукраинка Одесской обл. –
Ленинград - Петрозаводск

СВИДЕТЕЛЬСТВО

(Поле под Нарвой, конец июля 1941 года)

Верстах в пяти от Нарвы, в башне старой,
куда занес меня снарядный вой,
увидел груды, будто бы в кошмаре, –
нашивок местной части войсковой.
Мразь дезертирства!

Что тебе присяга?

Лжецу прочесть ли это не суметь:
«Не отступлю от чести ни полшага
и за Советы постою на смерть!»
Детей и женщин вой, прорвав просторы,
от Нарвы жутью несся в этот час:
то дезертиры свой бомбили город,
чтоб обвинить в убийстве этом нас!

Елена ВАЛГА (Кирсанова)
Петрозаводск

ОТРЫВОК

«В августе-сентябре 1941 года линия фронта вплотную подошла к небольшому городку в предместье Ленинграда – Колпино». «Блокада Ленинграда», 1971.

В ночное Колпино вдруг ворвалась война.
Какою страшной оказалась тишина!
Судьба Европы закачалась на весах...
Твой подвиг, Колпино, останется в веках.
...К утру у Ям-Ижоры встал заслон –
немногочисленный Ижорский батальон.
.....
Разрывы бомб звенят у черных плит.
Кипит вода. Горит земля. А человек стоит.
Огонь с огнем схлестнулись здесь волной:
за боем бой, и снова новый бой...

ЛЕСОПОВАЛ
(отрывок)

У.Н.Руханену

Ужимая дни до мига,
ветер века хлещет в грудь –
я твою читаю книгу,
прохожу твой долгий путь.

Детство. Невская Дубровка.
Ожиданье светлых лет.
Комсомольская путевка
и ученья вечный свет,
и работы вдохновенье,
и большой мечты полет.
И ни капельки сомненья,
и твоя душа поет.

Иван НИКИТИН
д.Яхонты Зиминского р-на
Иркутской обл.- Ленинград - Сортавала

БАЛТИЙЦЫ
(отрывок)

Оставлены с боями воды Буга
и крепость Брестская потом...
Сирены вой коснулся слуха,
и первый в Ленинграде рухнул дом.
Бой адский кораблей Балтфлота:
их переход сквозь минные поля...
Но – бросили в Кронштадте якоря,
огнем прикрывши фланг пехоты
.....
Сто граммов хлеба были – как причастье,
водичка из Невы в тяжелый час...
Бои гремели с жесточайшей страстью,
и смерть трусливо обходила нас.
.....
...На улице январь, метут метели,
и радостно, и скорбно как-то мне.
Как по тревоге, я вскочил с постели:
приснилось мне, что снова – на войне.

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

(отрывок)

Блокадный хлеб, он – словно глинозем,
его делили, сдабривая солью...
Обстрелы учащались с каждым днем:
друзей теряли. Ежедневно. С болью.
А смерть тогда косила – всех подряд.
И умирали без слезы и всхлипа.
...Мне помнятся расстрелянные липы,
просящий хлеба –
тихий детский взгляд.

Автор этих строк во время Великой Отечественной служил на Краснознаменном Балтийском флоте, был участником событий по окончательному снятию блокады Ленинграда. – Прим. сост-ля.

Армас ЭЙКИЯ

ВЕЧНО БУДЕТ СТОЯТЬ ЛЕНИНГРАД

(отрывок)

Много пало столиц в дни нашествия гуннов кровавых.
Город нашей надежды – Мадрид был врагом сокрушен,
превратились в руины кварталы плененной Варшавы,
был Париж у французов, но сдался фашистам и он.
Много славных страниц друг за другом сдавались подряд.
Но не дрогнул, не пал перед гуннами ниц Ленинград!
.....
Ленинград, не сдающийся, верящий твердо в победу,
час придет – разметешь ты фашистов железной метлой.
Пленных стран города за тобою подымутся следом
и захватчиков подлых бесстрашно прогонят долой...
Над Невой возмущенной – снаряды, как огненный град,
но стоит, как скала, вечно будет стоять Ленинград!
1941 г.

Перевод с финского П.Железнова

«Из-за искривления позвоночника я числился невоеннообязанным... Но в первые же дни войны ко мне приехал из Ленинграда мой товарищ Иван Исаакович Лайтинен и спросил: «Хочешь на фронт? Теперь ты нужен. У нас организуется фронтовая редакция, работать придется на финском языке». Я согласился сразу... (225) В середине февраля 1942 года группу ответственных работников из нашей команды эвакуировали из Ленинграда. Среди них были депутаты Верховного Совета СССР Инкери Лехтинен и Армас Эйкия... Они уехали на выполнение других заданий»... (227) В осажденном Ленинграде Армас Эйкия вел передачи по радио для войск и населения Финляндии. Об этой своей работе он сам подробно рассказал в воспоминаниях « В радиовойне против...» У.Викстрем. В осажденном Ленинграде. В сб.

«Белыми скалами линия фронта легла...» Рассказы, воспоминания. П-ск.: «Карелия», 1974. С.223, 225, 227.

«Когда финская армия... пошла в 1941 году в наступление против Советского Союза..., я переехал из Петрозаводска в Ленинград, чтобы разъяснять по радио народу Финляндии, что... его долг выйти из войны как можно скорее... Радиоспециалисты Советского Союза изобрели способ, дававший возможность вклиниваться в волну радиостанции Лахти, (296)через которую из Хельсинки передавали военную пропаганду».
А.Эйкия. В радиовойне против немецкого и финского фашизма. В сб. «Белыми скалами линия фронта легла...» Рассказы, воспоминания. П-ск.: «Карелия», 1974. С.295, 296.

МАТЬ

(отрывки из поэмы)

Часть 1

1.

Буйная, губительная сила,
Пушкиным воспетая Нева!..
Но не ты ли соками вспоила,
зеленью одела острова?

.....

4.

Стало быть, на невском берегу
мать свой век спокойно доживала:
хорошо в родном своем кругу!
Пусть богатства в доме было мало,
но не в этом счастье матерей.
Ей награда лучшая досталась:
берегли ее святую старость
четверо сынов-богатырей.
Золотые руки у старухи!
День-деньской шумит на кухне печь.
А устанет или так, не в духе –
можно на минутку и прилечь.

5.

Грянул грохот первого снаряда.
До великих северных дорог
докатился вражеский поток
и ударил в стены Ленинграда.
Кровью затопляя берега,
броненосный шествовал Аттила.
Стыли пеплом степи и луга,
Родина моя кровоточила...

6.

...Гордые сдаются города,
за державой падает держава,
грабит Прагу алчная орда
и в огне распластана Варшава.
Осло, Брюссель, Гаага, Белград...

Где разгулу варварскому мера?
Видишь: над народом Робеспьера
палачи клеймение творят.
Торжествует прусская сноровка:
от Суоми хмурой до Балкан
за отвагу смелому – веревка,
труссу за услуги – чистоган...

7.
Но стояла нельская твердыня
и не пошатнулась ни на пядь.
Из Москвы призыв звучит, как ныне:
– Насмерть немцу противостать!
Как Нева, поднялся гнев народа.
За винтовку, Кировский отряд!
Не падет великий Ленинград
и пребудет вечным, как природа.
.....

8.
Потускнело небо голубое,
заиграло пламя батарей.
Провожала мать на поле боя
четверых сынов-богатырей.
Каждый горд своей солдатской долей –
постоять в беде за милый край.
Вот взмывает в небо Николай,
пушки в бой выводит Анатолий,
Саша танк направил на врага,
Миша, младший, зашагал с пехотой...

Часть 11

2.
...Мать домой спешила через мост
с мелкими покупками в кошелке.
Ну и темь! Огня нигде ни щелки
В небесах ни месяца, ни звезд.
Люди мимо двигались, как тени.
Вдруг вдали ударил страшный гром.
Что тут было! Все бегут в смятеньи,
а сирены гулкие кругом
как завоют... Батюшки, тревога!
Гром. Земля уходит из-под ног.
Тут прохожий бабушке помог,
помянув немца, чорта, бога...
.....

3.
Прикорнем под тяжестью стропил
вместе со старухой в тьме подвала.
Проклянем безжалостных громил,
как она в те ночи проклинала.

Детища бессонного ума,
созданные вдохновеньем зодчих,
выстраданные в труде рабочих, –
рушатся отцовские дома.
Устоит ли камень и железо,
если сталь дробится, как стекло?
Взрыв, удар. В зиянии разреза –
месиво, осколки. Потекло
пламя буйной лавой, как из домны.
Труд, дерзанья, жизни – все унес
черный вихрь... И на обломках пес
бродит, как по кладбищу, бездомный.
В громе бомб не слышен детский плач.
Заглушают стон песок да глина.
Крепко спит неистовый палач,
не доходят стоны до Берлина...
.....

7.
Ломтик хлеба меньше с каждым днем.
Видишь, мать, сквозь дым угрюмой гари:
враг спешит кощунственным огнем
сжечь твой хлеб – до зернышка в амбаре.
Глазом орудийного жерла
стережет он ладожское небо,
чтоб кроха* спасительного хлеба
до тебя добраться не могла...

**Так в тексте. – Прим. сост-ля.*

9.
Голод, голод... Будьте начеку!
Слабнет шаг, походка стала шаткой...
Смахивала мать слезу украдкой
на худую дряблую щеку,
говорила: – Чай горячий, Катя.
Хлеб я для тебя приберегла:
он тебе, невесте, очень кстати.
Будешь ты, как яблочко, кругла.
– Мама, я обедала в столовой.
Право же, совсем, совсем сыта.
– Не обманешь! Я не так проста.
Кушай больше. Надо быть здоровой,
свежей, сильной. Пей еще стакан.
Если красота твоя увянет,
если похудеет стройный стан,
Миша на тебя глядеть не станет.
– Нет, серьезно? Экая беда!
Как мне угодить красавцу Мише?
Может, надо вырасти повыше?
Да глядите: разве я худа?
И, всегда готовая на шалость,

приосанив стать сутулых плеч,
Катя заразительно смеялась,
чтоб старушку милую развлечь,
и, танцуя, заводила песню
о войне, о сладости побед
и о том, что после многих бед
будет жизнь – и ярче, и чудесней.

.....

Часть III

1.

...Бьет врага воспрянувший Ростов,
Тихвин вольный в бегство обращает.
Путь к Москве на версты украшает
лес чужих, под касками, крестов.
Закипели волны Волги гордой,
грозный меч обрушил Сталинград.
Отшатнулись вражеские орды
от кавказских каменных громад.
Гнал врага свирепый и косматый
снежный вихрь, давил полярный лед.
В темной зыби северных болот
утопали финские солдаты.
Побогаче тихий уголок
все искали жадные румыны, –
получите ж по два метра глины
по краям истоптанных дорог!
Римские, венгерские вояки,
меченные свастикой рабы
запросили в голос у судьбы,
как бы выйти целыми из драки...

2.

Мать свалили голод и зима.
Уголья в печи давно остыли.
Билась Катя, справиться не в силах:
Холод, леденя, сводил с ума...

3.

Из глубин вечерней темноты
возникает ясное виденье:
сына благородные черты
в пламени великого сраженья.
Вот рукой сигнал он подает –
и заговорила батарея.
Горизонт огнем своим овея,
по врагу снаряд свистящий бьет.
Снова пушке машет Анатолий –
пламя, дым и гром, и свист опять.
Все в огне, гремит ночное поле.
– Правильно! – ликуя, шепчет мать...

4.

...Протянулась дряхлая рука,
а навстречу крыльям краснозвездным,
кораблям, стремительным и грозным,
режущим винтами облака.
Коля, сын, летел в ночных просторах
во главе крылатого звена,
и в суровом рокоте моторов
песнь победы слышала она.
Словно металлические тучи
ливень бомб низвергли на врага,
взвыла смертоносная пурга
над землей пылающей, зыбучей...

5.

Мать во мрак указывает пальцем.
Мнится ей: по снегу, без дорог,
Саша, сын, ведет одетый в панцырь
огневой грохочущий каток.

.....

Ужас душу немца охватил.
Быть и для злодеев лихолетье!
И бежит, утратив буйный пыл,
Герренфольк, как раб, избитый плетью
Больно хлещет огненная плеть!
Как прошибла до сердца морозцем,
стало ясно битым крестоносцам,
что вселенной им не завладеть.

6.

И, пристав на жестком скорбном ложе,
сына мать последнего зовет.
Даже в холоде предсмертной дрожи
воля русской женщины живет.
Ленинграду – быть, иначе вражья
петля миру горло захлестнет.
Если совесть русская уснет,
кто в ночи останется на страже?

.....

Кто боится пули – не живет.
Жить – тому, кто в бой идет без дрожи.
И пристав на жестком смертном ложе,
сына мать последнего зовет.

7.

Наступает русская пехота.
Кровью, с бою – каждый шаг вперед.
Видит мать: встает за ротой рота,
Миша в бой товарищей ведет...

.....

Вражью кровь поглотят волны Рейна;

человек рукой благоговейной
пустит восстановленный станок.
Будет счастье...

Тихо и несмело
Катя Мишу за руку ввела.
Поздно... В материнском взоре тлела
искорка последнего тепла.

.....
Мать ждала, упряма и тверда,
будто смерть ее сломить не в силе!
Взгляд пытливый спрашивал: – Отбили?
И ответил сын: – Да, мама. Да!
Гордость взор холодный осветила.
Разве это смертью назовем?
И улыбка нежная застыла
на лице спокойном, неживом...

*Эта поэма напечатана в сборнике А.Эйкия «Не меркнет свет» (Государственное
Издательство Карело-Финской ССР), датированном 1944 годом и вышедшем тиражом в
7 000 экземпляров, но при этом в выходных данных обозначено: «Подписано к печати 15 мая
1945 г.». – Прим. сост-ля.*

Борис ШМИДТ

СОКОЛИНЫЙ МОХ

Тосковать, вспоминая Неву,
на болотах, где мох соколиный:
жить песчинкой надежды единой,
той, что – снова тебя обниму.
Ты повсюду со мной на войне.
...Сквозь осадную ночь Ленинграда
дважды ты приходила ко мне
по камням пылающим ада.

– Безрассудная, Боже ж ты мой!
Что ж, прощаться опять прибежала?
Ты молчала, окутана тьмой,
вся в слезах, без упрека и жалоб.
Вскоре твой сочинитель-солдат
все за той же военной судьбиной
через Ладогу – в дождь, в снегопад –
выбирался на мох соколиный.
И отныне навеки нигде
нет земли нам и воздуха слаще,
коль – по пояс в болотной воде –
на руках артиллерию тащим.

Коль закрыли, блокируя ДЗОТ,
амбразуры своими телами...
Разве мыслимо справиться с нами,
коли русский в атаку идет!

И вода – не беда, и беда – не беда,
коли надо добыть нам победу,
чтоб ни дочь, чтоб ни ты,
чтоб никто никогда
на земле наших мук не изведал!

1942 г.

Герман ЦВЕТКОВ

* * *

В блокадном горьком январе,
снегами заметенном,
на тихой утренней заре
шли за водой с бидоном.
Лежала, тяжела, Нева –
вся белая, как при смерти.
От голодухи голова
кружилась...
Прорубь высмотри!
Она дышала чернотой.
Упал снаряд, да мимо...
Идем,
несем бидон с водой,
живой, необходимой.

Петр ВОЙЦЕХОВСКИЙ,
Ленинград - Сортавала

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК ПАМЯТИ

1.

ЛЕНИНГРАД. ЯНВАРЬ, 1942
Текут часы. Вползает холод в дом.
В нем остывают вещи, стены, двери.
Во что и утром верилось с трудом,
к исходу дня – уже никто не верит.

Сочится свет через оконный лед
и освещает комнату сурово,
где трое ждут, что кто-нибудь придет,
затопит печь и вслух промолвит слово.

Текут часы. Тревожный метроном
стучит на остывающей планете.
Здесь трое ждут. Вползает холод в дом.
Молчит старик и замерзают дети...

И не понять, кому она нужна –
такая безнадежная война...

Ленинград

ЛЕНИНГРАД, БОЛЬНИЦА. МАРТ, 1942.

Я чувствую, как равнодушный взгляд
скользит по мне. Потом мне пульс считают.
Вокруг врачи о чем-то говорят,
но звуки до меня не долетают.
Я знаю. Мне уже двенадцать лет.

Я так устал. Могила – просто яма.
Никто не слышал, как я крикнул: «Мама!»
Я жив еще и вижу на окне
узор морозный, белый и красивый,
и слышу стук далекий, торопливый...
Кто там стучит? Войдите! Вы ко мне?

Все тише стук. Все больше немоты –
там, в глубине, у роковой черты.

Ленинград

ЛЕНИНГРАД. ЛАДОГА, 1942

Там, в глубине, у роковой черты*
стоит на дне автобус бело-синий,
свет искажает параллели линий
на рубеже подводной темноты.

Он шел с детьми и канул в полынью,
чуть слышный всплеск и звуки повторились –
со стоном двери мира затворились...
Скажи мне, Ладога, твою ль я воду пью?

Когда зимой гуляют по планете
заботливо укутанные дети
и мамы гордые с них не спускают глаз,

Пусть не сотрутся в памяти у нас
сугробы белые и на деревьях иней,
и там, на дне, автобус бело-синий.

*Так в тексте: повтор последней строки предыдущего стихотворения. – Прим. сост-ля.

Михаил ЧЕХОНИН
Петрозаводск – Петроград –
Нью-Йорк (США)

ПРИВЕТ ТЕБЕ
(отрывок)

Снег и бомбы падали на город,
город снов, дворцов и баррикад –
я там был, когда был очень молод
и когда он звался – Петроград...

Ночью прилетали бомбовозы,
заводили смертный бой с землей,
наступали жгучие морозы,
били пушки гулкой чередой.

Плакали холодными слезами
окна неотапленных квартир,
фабрики гудели молотками,
сверлами, моторами, станками:
там окоченевшими руками
люди звали в бой весь мир...

.....
Шлю тебе привет, красавец дальний,
город снов, дворцов и баррикад,
памятный, родной, военачальный,
светлый город – Ленинград.

1944 г.

Николай ПОЧТОВАЛОВ
Петрозаводск

РАССКАЗ ЛЕНИНГРАДКИ-БЛОКАДНИЦЫ
(отрывок)

Над кроваткой мы с сестрою:
брата силится сберечь.
За окошком ветер воет,
и давно остыла печь.

.....
Метроном не успеваает
сердца стук опередить.
Только брат свечою тает,
а ему бы жить да жить.
Хоть минута вечно длится,
но ничем уж не помочь.
И тускнеют наши лица,
и в квартиру входит ночь.

Людмила ТЕРВОНЕН
Ленинград -Сортавала - Петрозаводск

* * *

Смутно, но помню
блокадные дни.
Город за шторами
прятал огни.
Тень дирижабля
плыла над Невой.
Пламя пожарищ
стояло стеной.
Голос сирены
протяжно звучал.
Бомбоубежища
темный подвал.

Город и крохотный
хлеба кусок,
да кипятка
обжигавший глоток.
Пламя коптилки,
буржуйки тепло...
Смерть миновала.
Нас чудо спасло.
Был через Ладогу
страшный бросок.
Волны трепали
наш катерок.
Небо гудело –
шел яростный бой.
Летчики нас
прикрывали собой.

Ужас бомбежки,
брата нытье,
бабушки руки,
молитвы ее...

1996 г.

Сергей КОВАЛЕНКО

БАЛЛАДА О ДВУХ СОБАКАХ
(отрывок)

Дед мой болен и стар. Мудрой цепкою памятью – в прошлом.
Над собою смеется: «Расклеился что-то я, брат».
Я прошу: «Расскажи мне сегодня о самом хорошем».
Дед как будто не слышит: «Блокада. Война, Ленинград».

Я уныло тяну: «Ну, зачем ты опять про блокаду?»
Он рассеянно: «Жжет меня прошлое, юноша, жжет...
Двух собак мы держали, овчарок – Карину и Найду.
Хлеба – сто двадцать пять. Одному. А собаки не в счет.
Я однажды спустился во двор, опираясь о стену,
и побрел по сугробу, ворочая валенком снег,
с неотвязною мыслью – найти небольшое полено.
Спотыкаясь от слабости, полумертвец-человек.
Злые тучи несло ленинградское хмурое небо.
Неуютно в душе. Во дворе. На пустынной земле.
Вдруг ударило словно: «Кусочек блокадного хлеба,
свой паек, не убрал! Он остался лежать на столе...»
Я добрался домой. И по коже продрало морозом:
цел бесценный паек, две собаки стоят у стола,
а по мордам текут человечьи голодные слезы
и дрожат, как в ознобе, их тощие тела.

Герман ЦВЕТКОВ

ПО ЛАДОГЕ

Вода горит огнем, огнем
кружится самолет.
То недолет, то перелет...
По Ладоге плывем.
Буксир трясется, как живой,
пуская черный дым.
Я к палубе его стальной
припал и – недвижим.
Ни у детей, среди узлов,
ни у больных старух
не слышно плача, горьких слов:
все превратилось в слух.
То недолет, то перелет...
Горит вода огнем.
Но вот уходит самолет.
По Ладоге плывем!

Леонид РЕЗНИКОВ

СТО МЕТРОВ

Посвящается Т.Н.В.

Тебя, по разрешению властей,
распухшую, я вез из Ленинграда,
уже полуубитую блокадой,
убившей город – взрослых и детей.

Промчались через Ладогу за час
в полуторке дрожавшей, знавшей виды.
Скрывало небо пасмурное нас,
стервятник не напал и лед не выдал.

Кобона сытая! В ста метрах – теплый дом.
Но села вдруг в сугроб мой спутник милый,
и хрипло вскрикнула: «Не знаю, как дойдем.
Я шагу не ступлю – иссякли силы...»

Я взял тебя на руки, как дитя,
и потрясен был невесомостью ужасной.
Сто метров я пронес тебя шутя,
как нес бы век – была б дорога ясной.

И повзрослел я, видно, в этот миг,
чтоб терпко помнить это все до гроба:
и тишину, и твой хрипящий вскрик –
тот стон предсмертный падавших в сугробы...

Валерий РУБУШКОВ

РАССКАЗ ВОДИТЕЛЯ

(отрывок)

Посвящается 60-летию прорыва блокады Ленинграда

Ты помнишь, блокаду прорвали?
А утром приказ в автобат.
Колонны мы формировали
и грузы ввели в Ленинград.
Со звездами дали погоны
мне вместо простых «кубарей»*
с приказом идти от Кобоны
и в Питер доставить быстрее:
сахар, патроны, снаряды,
валенки, водку и рис.
Четыре полуторки рядом
и старый потрепанный «ЗИС».

Напрасно мы бога молили
колонной достичь Ленинград:
нас «юнkersы» все же накрыли.
Тогда мы увидели ад.
Лупили зенитки заслона,
гремели от бомб небеса...
Смертельная эта охота
за нами велась два часа.

Я помню: от взрыва фугаса
тряхнуло машину мою,
а сзади машина Тараса
с разгона ушла в польню.
И в этой воде ледящей
тонули и сахар, и рис,
а рядом в машине горячей
снаряды от жара рвались.

Но двое добрались досрочно,
и грузы доставили в порт,
а в путь через Ладогу ночью
блокадников взяли на борт...

**Речь о переходе в советской армии (кстати, до 25.02.1946 г. официально – РККА, Рабоче-крестьянской Красной армии!) на «царскую», «дореволюционную» форму: с погонами. – Прим. сост-ля.*

Павел РУДЕНКО

* * *

Над Невской Дубровкой задумчивый вечер,
в Неве угасает закат,
В лесу за поселком покой будет вечен:
там русские воины спят.
Огни над рекой, над двумя берегами –
их больше, чем звезд над землей...
Мы с правого берега бились с врагами
суровой блокадной зимой.

Борис ШМИДТ

ПАМЯТИ ИВАНА ФЕДОРОВА*

Мой первый друг, что мне других дороже,
остался там, на левом берегу:
не дописал, не долюбил, не дожил,
собой дорогу преградив врагу.
Будь Соломон на свете, я уверен:
мудрей библейской – судя по делам –
отрезок жизни той, что мне отмерен,
меж нами разделил бы пополам.

Несолоно хлебнув ушла старуха,
косой бряцая в костяной руке.
Но день и ночь земля стонала глухо,
плававшая на Невском пяточке,
где вкривь и вкось железом все прошито,
снег почернел, что ???день/год/всех назад слепил...
Там наше поколение служило,
и ты, мой друг, его связистом был.

.....
**«Иван Николаевич Федоров родился в 1913 году в деревне Нежданово Старицкого уезда Тверской губернии. В 1928 году семья Федоровых переехала в Ленинград... С 1931 года стихотворения Ивана Федорова печатаются в журналах «Резец», «Ленинград», «Литературный современник»... В мае 1941 года Федоров был призван в армию, служил на Карельском перешейке... Иван Федоров убит при форсировании Невы 5 сентября 1942 года».*

Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Б-ка поэта. М.-Л.: СП, 1965. С.569.

ТЕТЯ ШУРА

Тетя Шура проживала в Ленинграде.
И среди немногих выжила в блокаде.
Клей варила.

По утрам впрягалась в санки
и тащилась за водою до Фонтанки.
Возле дома, где поэт Державин жил,
голод веки тетки Шурины смежил.
И, ни разу даже ойкнуть не успев,
тетя Шура повалилась в белый снег.
И приснилось в этом сне холодном ей:
человек какой-то вышел из дверей
двухэтажного державинского дома,
по портретам – удивительно знакомый
(тетя Шура утверждала каждый раз,
что ее от смерти сам Державин спас,
но не в этом дело, что теперь гадать...),
«Вам, сударыня, негоже умирать», –
проворчал.

И к тети Шуриным губам
хлеб поднес – опилки с жизнью пополам.
И растаял, будто не был, как парок,
что от губ тянулся в синий потолок января...
И тетя Шура отошла.
Поднялась. Взялась за санки. И пошла.
...У державинского дома рухнул в снег
незнакомый тете Шуре человек,
поделившийся непрошено пайком,
в жизни больше не нуждавшийся ни в ком
и последний сон увидевший во сне,
как на грудь его –
блокадный падал снег...

ПОСВЯЩЕНИЕ

У блокадного Ленинграда
голос хриплый, но без надсады,
прерывающийся от голода,
но – не сломленный голос города.
Этот голос до беззаветности
был родным.

И летел из вечности.
Был он нотой незаменимой
той симфонии знаменитой,
разделившей с блокадой поровну
славу и пискаревские плиты,
а еще он был –

Ольгой Федоровной
Берггольц.

Владимир СУДАКОВ

* * *

*«Нам предстояло в ночь на 24 августа (1941 года. – В.С.) переправиться на кораблях Ладужской флотилии к поселку имени Морозова, а оттуда по железной дороге проследовать до станции Павловск (г.Слуцк). Мы погрузились... и взяли курс на Шлиссельбург».**

С.Н.Борцев. От Невы до Эльбы. Л.: Лениздат, 1993. С.38.

Поселок имени Морозова,
купальный на Неве июль,
и яблоки в садах чуть розовы...
...как бы в отметилах от пуль.
И мы не ведаем пока еще,
что брег тот сдвинула война
и нависала тенью тающей –
Орешка грозная стена
1966-2009 гг.

.....

**Поселок имени Морозова находится на северном берегу Невы, напротив Шлиссельбурга (Орешек) при впадении реки в Ладужское озеро. – Прим. автора.*

Михаил СОРОКИН

* * *

*Памяти моего отца, погибшего под
Синявино*

Синявинские болота.
Нет горше этих болот...
Отца стрелковая рота.
Блокадный военный год.
Солдаты насмерть стояли,
была до колен вода,
и топи вокруг стонали,
бездонные, как беда.

Синявинские болота,
ночь над ними бела...
Отца стрелковая рота
полностью полегла.
И не отыщешь брода,
и не найдешь следа.
Синявинские болота,
чернеющая вода.

Отца стрелковая рота
здесь принимала бой...
Синявинские болота –
память моя и боль.
Синявино, 9 мая 1951 года

Валентин УСТИНОВ
г. Луга Ленинградской обл. – Ленинград –
Архангельск – Петрозаводск - Москва

БОЛЬШАК
(отрывок из поэмы)

Василию Шарову

Всю ночь мы уходили большаком.
Горел июль.
Навстречу шла пехота.
Дымились паром Мстинские болота.
Дымил большак растоптанным песком.
Всю ночь мы уходили в тишину –
мальчишки и девчонки из детдома.
И слушали огромную войну.
И путали ее с тяжелым громом.

Роберт ВИНОНЕН,
Петрозаводск - Москва –
Хельсинки (Финляндия)

ДЫМ

С годами глубже в детство забираясь,
найду костер под пологом лесным.
О радость, о щекочущая сладость –
тот, от ноздрей не отлетавший дым!

За Гатчиной леса прифронтовые.
Мы беженцы. Пристанища – нигде...
Соображаю кое-что впервые:
пахнуло дымом – стало быть, к еде.

Приблизившись, пошумливали ели,
скатерку тени ветер шевелил...
Поди припомни, что уж мы там ели,
но после дыма голод проходил.

Олег МИШИН (Армас ХИЙРИ)

* * *

Мне сделали операцию.
Наркозные вижу сны
в госпитале инвалидов
Отечественной войны.
Он жил во мне с малолетства –
коварный туберкулез.
Его я из дней военных,
как глеющий уголь, нес.

В палате со мной – дистрофик,
ровесник полуживой,
тоже невоевавший,
но раненный той войной.
Как вену найти, гадают
медсестры в который раз:
«Все колото-переколото,
Иван Петрович, у вас!»

Страдая от боли, терпит,
за жизнь свою бой ведет,
голосом еле слышным
советы нам подает.
Ему натираю спину
под душем, боясь, что вдруг
рассыплется ненароком
мой госпитальный друг.

Мальчишка поры блокадной,
той войны инвалид:
«Были бы кости, а мясо
нарстет!» – говорит.
И сколько бы лет ни минуло,
мне слышится голос тот:
«Были бы кости, а мясо
еще нарстет!»

Николай ФЕДОРОВ

* * *

Как птица светлой выси рада,
так рада и моя душа:
я подъезжаю к Ленинграду,
прильнув к окошку, не дыша.

Сам знаю: я уже не молод,
чтобы, ликуя, слезы лить.
Но лишь увижу этот город,
как вдруг... Да что там говорить!..

День светел. Но иные даты
плывут, плывут издалека.
Как будто бы аэростаты –
над Ленинградом облака.

Николай ЛАЙНЕ
(Гиппиев)

ПРИБРЕЖНЫЙ ЛУГ
(отрывок)

Конец дороги. Частокол густой.
Каприз судьбы. И в сердце – сгусток боли...
Опять дорога, долг исполнив свой,
вдруг вывела меня на это поле.
На этот берег заливных лугов,
где мы в густом тумане шли когда-то.
На пулеметы. На огонь врагов.
И молча в травы падал солдаты.

С тех пор минули годы или дни?
Я помню: иван-чай сломав высокий,
упав, как будто слушали они:
не плещут ли нырки в густой осоке?
Как светел день! Как ярк луч восхода!
Как зелен этот берег луговой,
где полегла моя родная рота.
Все так же – плеск Вуоксы в тишине.
И ароматы трав. И дух дурмана.
И вот я вижу: через луг ко мне
товарищи выходят из тумана...

Перевод с финского В.Потиевского

7. Я РАНЕН БЫЛ В МОЕМ ОТЦЕ...

Владимир МОРОЗОВ,
Петрозаводск - Москва

(отрывок из поэмы «Долина смерти»)

Он в стандартном пришел конверте
на тревожный запрос ответ:
Есть на свете Долина смерти,
а отца больше нет. Нет...
Стала черной портрета рамка,
обессонела тишина...

Я беречь тебя буду, мамка,
у меня ты теперь одна.
Я не слабый. Я, между прочим,
только так – худоват с лица.
Я пойду на завод рабочим,
десять лет мне – и я в отца.

Но случилось гораздо проще:
ночь прошла – и в обычный час
по багряной осенней роще
в школу шел я, в четвертый класс.
В лужах за ночь вода застыла,
и со всех четырех сторон
небо в трауре скорбном было
от паломничества ворон.

Непослушна в руке указка,
педагог на меня сердит.
Одноклассница-синеглазка
с первой парты за мной следит.
Головой возмущенно вертит:
– Ах, каким чудачком ты стал
Что ты там за Долину смерти
возле Печенги отыскал?
Веки что-то отяжелели,
подбородок к груди прирос...
Не хочу, чтоб меня жалели,
и молчу на ее вопрос.

Мы из школы выходим вместе.
Дождик. Пасмурно. Листопад.
Словно курицы на насесте,
облака на заборе спят.
У девчонки намокла кофта,
но идет она не спеша...
Я молчу, но в конце концов-то
не выдерживает душа.

И, как слезы мужские, жгуче,
скупо, горько текут слова...
И девчонка глядит на тучи –
запрокинута голова.
И, как горькое утешенье,
мне роняет в ответ она,
что такое же извещенье
в дом ее принесла война.

1957 г.

Владимир БРЕНДОЕВ,
д.Бережная (с.Самбатукса) Олонецкого р-на –
г.Петергоф Ленинградской обл.-
д.Сюрья (с.Мегрега) Олонецкого р-на -
Беломорск – Петрозаводск - .Олонец

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА (отрывок)

Тратил силы – не жалел.
Жил – не крохоборничал.
Много знал я всяких дел:
лес валил и плотничал.
Мчался, стоя без багра,
на бревне стремительном.
Горд был песней топора
на лесах строительных.

Испытаний час настал
и увел из дома.
Но и там топор стучал
среди дыма, грома.
Ливень бил – горюч, свинцов –
спереди и с тыла...
Сколько я воздвиг мостов,
выложил настилов!
Роя носом землю, знал:
я еще потопаю.
Был убит, а, видишь, встал,
встретился с Европою.
Был со смертью уговор:
рановато в саван,
пусть стучит он, мой топор,
до Победы самой.

По работам полевым
на войне соскучился.
Я пришел к полям своим

прямо в лето жгучее.
Вместо батькиной избы
пепелище встретило.
Выдержал удар судьбы,
но болит отметина.

.....
На руках переплелись,
как веревки, жилы.
За спиной – большая жизнь.
На исходе силы.
На душе не тот огонь,
поугас в заботе,
но крепка еще ладонь
и топор – в работе!

Перевод с карельского Армаса Мишина

Валерий САВЕЛЬЕВ
Петрозаводск

* * *

*Конструктору ОТЗ
Константину Ивановичу Кижину*

Взят рейхстаг! И кругом – тишина, тишина...
И подумал майор, возвращаясь с войны:
«Повезло! Хоть уже на висках седина –
буду жить!!! А могло ведь и – вечные сны...»

.....
С фронта к матери шел, и медали звенели,
и мечталось: поднимет ее на руках...
«От забот и от времени все мы стареем...»
Слезы! Слезы впервые в майорских глазах.
Похоронку одну мать дрожащей рукою
положила пред ним, чтоб достать и вторую.
Он для матери дважды убит был войною...
И прижал он к губам ее руку худую.
Осмотрелся кругом – и глаза б не глядели:
сколько дел мужику. Все, что создано – прах...
Долго солнцем награды его не блестели:
закипела работа в мужицких руках...

«В Санкт-Петербурге скончался последний участник штурма Рейхстага весной 1945 года. Ветеран Великой Отечественной войны Николай Беляев умер на 94-м году жизни... «Николай Михайлович до последних дней вел активный образ жизни, не оставляя историко-патриотическую работу», – рассказала знакомая ветерана Валентина Ильина. Николай Беляев был комсоргом 756-го полка, солдаты которого первыми начали штурмовать Рейхстаг. После Победы... он служил на Тихоокеанском флоте. Затем Беляев работал на фабрике «Красное знамя»././«Советская Россия», №138. 10.12.2015. С.2.

Павел ШУВАЛОВ
Петрозаводск

ОТЕЦ*

Кому-то, видимо, нужны
блага великие, свободы...
А мой отец – в мои-то годы! –
успел протопать три войны.

Не рассказалоь ничего... –
наверно, не успелось?.. Или?!
А время жмет, и я не в силе
обратно повернуть его.

**Отец автора в годы войны перевозил грузы по Дороге жизни, был тяжело ранен под Снявино. Потерял в блокаде первую жену и сына. – Прим. сост-ля.*

БРАТ

Не перечислить всех утрат,
всех распотерь поры военной...
Но – с голоду... в блокаду... брат... –
мой брат, невинно убиенный!..

Не надобно – для пацана –
и саночки вязать по двое...
Будь трижды проклята война,
сметающая все живое!

Начало 1990-х гг.

Анатолий ИВАНОВ
Костомукша

А мы не видели войны,
друзей погибших не считали,
святое чувство тишины
знакомо было нам едва ли.
Мы голосистыми росли
под мирным и высоким небом:
война была уже вдали,
и поле колосилось хлебом.

Что ж, мы счастливыми росли, –
теперь мы это понимаем, –
пусть не у всех отцы пришли
с дорог войны в победном мае.
Но помнится так ясно мне,

хоть было лет тогда мне мало,
что почему-то о войне
книг моя мама не читала.

Причину я узнал потом:
ей возвращала память снова –
врагом сожженный отчий дом,
чужое лающее слово,
моторов рев над головой,
эвакоэшелон разбитый
и женщины протяжный вой
над телом девочки убитой.

Но помнится так ясно мне,
хоть мало лет тогда мне было:
зовет отец друзей во сне –
тех, что война не возвратила,
с кем он делился пополам
махоркой, хлебом и шинелью,
с кем вместе ползал по полям
под вражьей огненной метелью.

...Давно закончилась война,
что жгла, взрывала и стреляла,
но память...

Мучает она,
как пуля, что в груди застряла.

Андрей ФАРТ (Фарутин)
Петрозаводск

БАТЯ. ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОТЦЕ ЯКОВЕ (отрывок)

В пацанстве, верю, слыл он сорванцом.
Пожалуй, по характеру мы – братья.
В хмелю крутой, но не был подлецом.
Жив в памяти подобру: просто батя.
Тот ранг, видать, он полюбил с войны,
когда, оставив скудные покосы,
еще успели эти пацаны
призваться кто в солдаты, кто в матросы.

На Соловках учебный их отряд
по возрасту был схож с соседней школой,
где юнги начищали якоря
на пряжках ремешков своих веселых.
Суровый им тогда достался век,
но юность кровь резвила, словно дрожжи.
Знать, первый на деревне человек
считался о – игравший на гармошке.

Его друзья особо берегли,
куда б судьба не сделала забросец.
Таких всегда любили корабли –
большой линкор и юркий миноносец.
Хотя однажды случай только спас,
когда в студеном Баренцевом море
волной перевернуло их баркас,
и он тонул, за жизнь упрямо споря.

Ни бой с подводной лодкой, ни потом,
когда над ними «мессеры» кружились,
не вспоминал острее: за бортом
они ведь – за детей, за внуков бились...
Зачем же смерть обходит стороной
иных бойцов во всех нелепых войнах?
Мой батя отдал долг перед страной:
служил достойно на своем «Достойном».

Здоровья, правда, много потерял,
нередко водка добавляла силы...
Войну он никогда не забывал,
она его не раз во сне будила.
Он бормотал в горячке про «огонь»,
растерянно ловил судьбу за фалды,
то догонял, то бегал от погонь,
не утолив нисколько жажду правды.

А в майский день, медалями звеня,
он был всегда особенно счастливый.
Секрет я понял, только хороня
его на дно распахнутой могилы...
2002 г.

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН,
г.Подпорожье Ленинградской обл.-
Кондопога -п.Чула Лоухского р-на-
Петрозаводск

ОТРЫВОК

Я ничего не помню о войне...
Но моя мама девочкой в детдоме
в военном сорок третьем – на изломе –
ждала родных, не зная обо мне.
А мой отец – мальчишкой семи лет
трудился спозаранку на покосе.
«Раз ты мужик, то, стало быть, колхозник», –
так внука наставлял резонно дед.
.....

...И всю мою родню – наполовину
сожгло военной огненной лавиной.
Но все равно я вижу сквозь года:
там моя мама-девочка устало
в сугробе – веки смежила во сне.
И если бы она тогда не встала –
меня похоронил бы белый снег...

2007 г.

Мария ДОМАСЕВА,
с.Глазово Почепского р-на
Брянской обл.- Сегежа- Петрозаводск

ПАРТИЗАНСКИЙ КОСТЕР

Д.Гусарову

С той победной весны
столько зим миновало,
столько майских салютов
светило для нас.
Отгорели костры
партизанских привалов –
рядовыми
их время списало
в запас.
Но в ненастную ночь
или в снежную заметь
для друзей,
партизан,
свой костер разложи.
Пусть России моей
благодарная память
этот свет
сохранит,
как святыню души!

Валерий АНАНЬИН
Петрозаводск

ПОЭТЫ
(отрывок)

П.Когану

...Парни идут в атаку.
Губы упрямо сжаты.
В каком поднимает море
сейчас паруса бригантина?
Поэтов войне не надо.
Нужны на войне солдаты.

И гриновских капитанов
в морях караулят мины.

Поэтов войне не надо?
Война не нужна поэтам!
Но твердо падают строки
суровой солдатской клятвы.
И записная книжка
с комсомольским билетом
в карман гимнастерки у сердца
ложатся на равных –
рядом...

Николай ГОРДЕЕВ
Петрозаводск

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

Снова меньше одним
стало в тесном кругу
фронтовых неразлучных поэтов...
Как святыню, в себе до конца берегу
вашей жизни бесстрашной заветы!
Пусть не дрался я в той мясорубке большой,
незнаком с фронтовою наукой,
но зато –
три войны отец мой прошел.
За себя, за меня и за внука.

Эрик ТУЛИН

* * *

Воспеты, но все-таки мало воспеты
маститые и молодые поэты,
которых певуны литые отпели,
отпели не на скандальной дуэли, –
отпели,
когда над землею шербатой
вставали поэты, держа автоматы.
И перед ними рядились в Парнасы –
ДОТы, высоты, дорожные насыпи.
Бой рукопашный,
взгляд пистолета
экзаменовали бойца и поэта.

Патроны – в подсумок,
стихи – в планшет.
Искусство, требующее жертв.
А в медсанбатах чернявые, русые,
совсем еще школьницы –

плакали музы.
Но шли по газетам каленые строки
не в честь кареглазых,
не в честь синеоких, —
каленые строки, как отблески боя,
в глазах, потемневших от гнева и горя.
Каленые строки,
как жгучие искры,
как пули внутри автоматного диска.

Газетные строки,
ведущие в пламя...
Вонзайтесь, как злые траншеи, в память!
Учите нас цель свою видеть лучше,
искусство прицела поведайте нам,
чтоб мы из своих поэтических пушек
не шпарили попусту,
по воробьям.

1962 г.

Геннадий ЗОРИН

ВАМ, МАТЕРИ, СЕСТРЫ, НЕВЕСТЫ
(отрывок)

Ваш праздник из солнца и сини
и радостных песен о вас.
Красавицы милой России,
не прячьте застенчиво глаз.
Оденьте красивей наряды,
медали и ордена.
Не только в солдатки — в солдаты
и вас призывала страна.
И сильному полу не стыдно
колени сейчас преклонить.
Обидно! Но как же обидно,
что многих нельзя возратить —
лежащих с мужчинами рядом
под плитами *братских могил*
в Крыму и под Ленинградом...
Повсюду,
где фронт проходил...

Елена СОЙНИ
Петрозаводск

ИЛЬИНИЧНА

На фотоснимке добрый, твердый взгляд —

Ильинична, мать девяти солдат.
Так вышло, мы встречались только раз.
Что помню я?
Взгляд бабушкиных глаз,
ее калитки из ржаной муки,
прикосновение теплое руки...

Конечно, помню сказки о морях,
не о принцессах – о богатырях.
Но мне, трехлетней, было невдомек,
зачем носила бабушка платок
лишь черный.

Я, сказать начистоту,
хотела сдернуть эту «черноту».

Однажды я платок под тюфяком,
проснувшись рано, спрятала тайком.
Бабуля встала, ищет – не найдет,
другой платок из тумбочки берет,
такой же черный,
но еще черней...
Откуда знать мне – шестерых парней
домой, на берег Северной Двины,
не дождалась Ильинична с войны.

* * *

Сажают деревья –
что ярче и проще –
а в городе вырастет новая роща.
У хрупкой рябины,
а может быть, клена
свиданье любимой
назначит влюбленный...
И старые люди
судьбе на прощанье
как будто бы пишут свои завещанья,
сажают деревья
седые солдаты,
не веря в последние наши утраты,
раз государства у них не осталось, –
зеленой листвою
взорвется их старость.

Дмитрий СВИНЦОВ

Л. Филатову

Мы – вечные дети последней войны.
Наверно, мы были обузой
стране,

но мы в досталь хлебнули волны
отцовских смертей и контузий.

Поныне у нашего сердца гремят,
как залпы, короткие строчки
о том,
что ушел неизвестный солдат
на запад –
в бессмертье, бессрочно.

Пробиты мы пулями тех снайперов,
что целили в наших под Гжатском.
Нас лишь не хоронят, как наших отцов,
в земле безымянной и братской.

Отцы завещали грядущему нас.
И почта, ища адресата,
ушла в неизвестность – и все мы сейчас
посмертные их адресаты.

Николай НОВОСЕЛОВ,
Ленинакан - Айастан Армянской ССР –
г.Петрозаводск - п.Поросозеро
Суоярвского р-на -Петрозаводск –
Жданов (Мариуполь) Украинской
Республики

СВЯЗЬ

Я ранен был в моем отце
навyleт в руку.
Чуть-чуть левее –
прямо б в сердце нас...
Подбитый танк
все шел и шел по кругу,
сдирая бурый, будто марля,
наст...

...Да, мы не знали
тех, свинцовых, будней,
но сколько, сколько, сколько
нас таких,
кто был пробит – осколком или пулей –
в отцах своих!?

Но мы живем.
И в строй единый слиты.
Но снова закипает на губах:
«А сколько, сколько, сколько
нас – убитых
в сороковых неумирающих годах?!..»

Глаза закрою –
вижу шрам отцовский.
И чувствую, как руку жжет
мою...
До сердца жжет!
И вновь – рассвет свинцовый...
И мы в одном бою.

РОЖДЕНИЕ (отрывок)

...Легко рождение объяснить:
«Судьба так, видно, загадала...»
Из Бреста – мать. Отец – с Урала.
Я ж в Айастане начал жить...

Крестьянина простого сын,
отец мечтал работать в школе.
Но с юности и до седин
он стал военным поневоле.
Под сумасшедший свист свинца
горели ночи, дни чернели.
Пропахли порохом шинели
у братьев моего отца.
Но знали: пусть немалой кровью,
жестокость – сломится любовью!..
И все равны перед судьбой,
особенно, когда им в бой...
Был ранен тяжело один,
другой погиб под Сталинградом,
отец же увидел Берлин –
такая выпала награда...

Девчонкой маму по стране
волной эвакуационной
носило в голоде, в огне,
в сумятице пристанционной.
И только через двадцать лет
про своего отца открыла:
был комиссаром. А могила –
широкий партизанский лес...

К отцу дорога – на восток.
Дорога западная – к маме...
Как объяснить мне мой исток
в краю армянских гор и камня?
Как судьбы судеб сплетены?
Какой случайностью, ответьте?
Выходит, не было б на свете
меня, коль не было б войны?!

* * *

Он упал перед самым рассветом,
вместе с ним остывал автомат...
Было в мае, в Берлине это *СН* –
в исторических нет томах.
Он упал.
И не вздрогнуло небо.
И никто не увидел, как
он лежал –
 удивленно и гневно
и сжимал автомат в руках...

А потом – был завален стеною.
На обломках – короткий бой...
Незнакомую тишиною
неизведанный жгло покой.
Но ударил салют заветный
над планетою, как набат!..

Главным колоколом Победы
был умолкнувший автомат.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Венкам железным не зацвествь.
Не пахнут восковые розы.
И не роса на травах здесь.
А – слезы.
И камень строгий, будто шрам
под тихим теплым солнцем мая,
колотит тенью по щекам –
так пламя ветром развеивает.
Стоишь, и что в душе горит –
не передать ослабим словом...
Молчишь и слушаешь гранит
на скорбном месте,
как на лобном.

* * *

Окаянные,
сгинули черные ветры!
Больше солнце над нами не рвут на клочки.
Не приходят с казенной печатью конверты.
Не взрываются –
 болью внезапной зрачки...
Только память, как прежде,
не веря, негромко
перечитывает без конца
двадцати миллионов – одну похоронку,
навсегда обжигающую

сердца.
Середина 1970-х гг.

В АЭРОПОРТУ

На рейс объявлена посадка.
Разноголосно вспыхнул зал.
И, как заведено порядком,
пошла проверка. На металл
Проходит женщина с ребенком,
за ней старушка семенит
и опасается, что звонко
над нею, грешной, прозвенит...

Шагнул мужчина, лет под сорок,
и – за спиной мгновенный звон.
Сержант корректен, стог и зорок.
Легли на стойку – медальон,
ключи и портсигар массивный.
Мужчина вновь в проход идет,
уверенный, спокойный, сильный.
Командировочный полет...

Идут обычные минуты,
храня и гул, и смех, и крик...
О резкий звон споткнулся будто
подтянутый худой старик.
Ключи, монеты... Вновь проходит
старик. И – обжигает звон.
Сержант все цепче взгляд наводит:
вдруг пассажир... вооружен?!
А тот обшарил все карманы.
На стойку – пачку сигарет.
Идет, растерянный и странный,
но тишины в проходе нет!

Прибор испорчен, безусловно!
Забыл, видать, о тишине...
И, как сквозь строй, проходит снова
старик сквозь звон... Металла – нет.
Но был разгадки миг недолог.
Старик задумчиво стоит:
под сердцем спрятанный осколок
с Отечественной в нем звенит...

Аркадий РЕУТОВ
д.Телячий починок Пыжугского с/с
Кич-Городецкого р-на Вологодской
обл.-Петрозаводск

* * *

Забываюсь, словно умываюсь
звонкой родниковой водицей.
По колено в травы погружаюсь,
освящаюсь –
первой косовицей.
Рассвело. Позванивают косы.
Росный луг без края и конца.
Широки отцовские прокосы,
отстаю в работе от отца.
Отстаю. На косу налегаю,
тридцать лет я так не торопился!
Я потом проснусь и осознаю:
он с войны –
безруким воротился.

Роберт ВИНОНЕН
Петрозаводск – Москва –
Вантаа (Финляндия)

БАЛЛАДА О СТОЙКОМ

Достал он щербатую линзу
и луч обратил в карандаш:
фанеры квадрат задымился
и выжегся – вот он – пейзаж.

За копию камня с сосною
отдай, коли хочешь, пятак.
А подлинник перед тобою –
бери, коли можешь, за так.

За так и попал я монетой
художнику в кепи – он это
отметил кивком головы,
по пояс торча из травы.

Руками гребя что есть мочи,
он скоро забыл обо мне,
а ноги оставил, не к ночи
будь сказано, прямо в земле.

И землю, как фокусом лупы,
прожег он, толкаясь вперед.
Я чуял могильные глубины,
но видел нашедшего брод.

Мне слышится грохот орудий,
кромешный мерещится ад.
К сельмагу торопятся руки,
а ноги – ни шагу назад!

Ушло на победу полтела –
травой оно дыбится там,
где слабому нечего делать,
а стойкого рвет пополам.

Как тихо в доме престарелых
на острове Валаам!

Александр ВАЛЕНТИК

* * *

Наше детство – война.
И отцов ордена,
и нашивки тяжелых ранений.
Похоронок печаль.
И ферганская даль.
И в Победе ни тени сомнений.

И Победы весна!
Цель чиста и ясна:
уж теперь заживем мы счастливо! –
пятилеток мозоль...
Деревенская голь...
Коммуналок тоскливых месиво...

А любого спросить:
смог бы вновь пережить?
Дорога ли все так же Победа?
И в укор ветеран:
– Наша жизнь – не обман.
Каб тебе этой жизни изведать!..

Юрий ЛИННИК,
Беломорск – Сортавала –
Петрозаводск

БАЛЛАДА ГЛАЗ

*Художнику-антифашисту
Г.Мазурину*

Не роса –
это влажные звезды

осели к рассвету на листьях, прозрачно-текучих!

О свинцовое небо Освенцима! –
тусклый свинец,
когда луна барахтается в тучах,
как желтый захлебнувшийся пловец...

...А ночь контрастна, как эстамп...
А ночь контрастна, как гроза...

Сквозь нервный тик зеленых ламп
идут по городу глаза.
Идут глаза на костылях –
два угловатых костыля.
А на зрачках,
как на кострах,
горит!
Горит!!
Горит Земля!!!
Глаза тоски,
глаза обид,
как будто в грозный час ответа
сошли с заученных орбит
две синих плачущих планеты!
Мерцает призрачное дно,
влажная слеза –
и прожигают полотно
глаза!
Глаза!!
Глаза!!!

ИНВАЛИД

Со мною пьет
 безногий
 инвалид.

Он что-то говорит мне о войне.
О женщинах, смакуя, говорит,
подмигивая,
спорит о вине.

А я? –
а я не чувствую вины,
но понимаю, смутно понимаю:
он перерезан
колесом войны,
как колесом ослепшего трамвая!
Был взрыв – и сон.
Он скручивал, как жгут.
Была глухая темная усталость...

А небо,
словно синий парашют,
покачиваясь,
мягко опускалось
в его большие черные зрачки...

Но эти дни
теперь так далеки!

В бокале плыли
тоненькие льдинки,
прокручивались хриплые пластинки.

Сидит он на высокой детской тумбе,
и слышу я сквозь ляг,
и кавардак,
и смех:
его единственный башмак
притопывает
в такт проклятой румбе! –

Земля гудит,
как гулкий барабан,
Земля хрустит,
как сдавленные кости!

...По улицам –
сквозь сырость и туман –
идет он,
недослушан,
сед
и стар,
и кажется –
он пробивает тростью
слезящийся берлинский тротуар!

Дмитрий СВИНЦОВ

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В платье ситцевом,
в кителе старом
перед фотографом мудрым предстали
мама с отцом. Молодые совсем.
Ей двадцать два.
Ему двадцать семь.

Первые годы после войны.
Скулы обтянуты. Души видны.
Время хранит этот снимок в архиве:

снимки – не люди.
Многие живы.

В каждой семье дорог снимок один –
тот, на котором им жить, молодым –
в стареньком кителе,
в платье из ситца.
Время,
в которое не возвратиться.

ИМЕНА

Шесть лет, как кончилась война.
А нам давали имена
такие, чтоб никто не вымер,
коль грянет новая война –
князей великих имена:
Дмитрий, Александр, Владимир.

Мы пропадали по дворам,
не ведая про страхи мам
и про историю России,
среди березок и ракии,
среди новорожденных Никит,
что нас впоследствии сместили
с картонных чудо-лошадей
и с пустырей, и с площадей –
жилых и церемониальных.
Немало горького вина
хлебнули наши имена
у берегов Отчизны дальних.

Но если б имена опять
нам предстояло выбирать –
из нынешней большой палитры,
мы все же взяли б имена,
что пережили времена:
Владимир, Александр, Дмитрий.

* * *

Спасибо, Лида Павловна,
учительница сельская.
Платочек ваш опаловый
упал на чашку севрского
фарфора...

Фотографию.
Два ордена на ней
в наследство вы оставили

маме моей.

Спасибо, Шура Павловна,
учительница градская.
Вплела вам в косу платину
блокада ленинградская.

Колечко. Фотографию.
Одну медаль на ней
в наследство вы оставили
маме моей.

Жизнь прожили по совести.
Не закрывались ставнями.
Но не опишешь в повести
девчонку восьмилетнюю,
ей душу врачевали
радугой летнею,
липовым чаем.

И пестовали истово
в дочке брата Павла
фамилию, как исстари
пестовали правду.

Виктор АКСЕНОВ

ОСЕНЬ СОРОК ПЕРВОГО
(симфония войны)

Снаряда свист
и пули вой –
симфония войны.
Солдат,
еще вчера живой,
не слышит тишины.
Как чаша Вечного огня,
желтеет резеда...
И вспыхнула –
к исходу дня –
над резедой звезда...
Звезда!
Не сталь и не гранит...
Сквозь время кутерьму
свет звезд,
не знающий границ, –
наш памятник ему.
Он сделал
свой
последний
шаг

за гранью тишины...
И на века в его ушах
симфония войны.

* * *

*Год рождения – 1950...
Из анкеты*

О, память! – сны навей...
Пять лет, как нет войны.
Заводят сыновей
Отечества сыны.

Пятидесятый год.
Смущенье юных жен.
И я чертовски горд,
что в том году рожден,
что я явился в свет –
и болью боль отшиб,
что высрал горсовет
за мной к роддому «джип»,
что голосом дерзал
взорвать дневную синь,
что, как снаряд, держал
отец в ладонях –
сын!!! –
орущего меня.
Я сам себе не лгу.
И имя мне менял
на каждом на углу,
и Виктором нарек:
сквозь жизнь прошла война...

И завернул в ларек,
и взял стакан вина,
и выпил двести грамм.
О память! – сны навей...
За жизнь – без слез и ран
и смерти сыновей.
Он залпом пил, до дна
за всех и одного.
И мама, чуть бледна,
смотрела на него...

...Поэту нелегко
касаться личных тем...
Грудное молоко –
вне карточных систем.
И на любой вопрос

свидетельствую сам:
я сыт был – значит, рос
по дням и по часам.
Пусть среди всех невзгод
звонят литавры строк:
«Пятидесятый год,
я – первый твой росток!»

ВETERАНАМ

Война ушла в святые дали.
а в мире торжествует мир.
И юбилейные медали
утяжелили ваш мундир.
Пусть не мундир, –
пиджак. Но даты –
и двадцать лет, и сорок лет –
у вас оставили, солдаты,
неизгладимый в сердце след.

Пример для современных внуков –
вы, знавшие и фронт, и тыл.
Недаром мемуары Жуков
солдату гордо посвятил.
Вам горя выпало немало.
Но помните:
была пора –
все человечество внимало
родному русскому «Ура»!

Войны суровейшие были!
Кто верен им, тот чист и прав.
Случалось же –
в литавры били,
Сместив акценты – суть поправ.
Вновь в жизни правдой стала правда...
На ней – и только! – память строй.
Жаль, все короче строй парада,
длиннее –
обелисков строй...

ФОТО

(отрывок)

Вот он, наш дед. Глазаст, сутул –
верхом на стройном венском стуле.
И пальцы цепко впились в стул,
как, скажем – пчелы в соты улья.

Помор, а на войне – казак,
известный всем маньчжурским сопкам
и «За здоровье», не «за так»
предпочитавший стопку – сокам.
Эх, стопку зелена вина! –
не за помин, но для веселья...

Александр ГУСАКОВ

* * *

Я помню временный дощатый,
насквозь прокуренный барак,
мужчины, бывшие солдаты,
махру курили натошак.
А жены их и без помады –
лиловой, моды наших лет,
с губами были – то, что надо!
Лиловее помады нет.

Но не забуду, не забуду
до дней последних, до конца,
как петь умели эти люди,
те люди, сверстники отца!

.....
Впереди была (не сразу,
но все ж романтикам видна)
непокоренная – ни разу! –
в бетон одетая страна...

Так детство шло мое и пело,
так шло и пело налегке,
в пальтишке, сшитом из шинели,
и в теплом мамином платке.

Борис ИЛЬЮТИК
Кемь

ОЖИДАНИЕ

...И устав, не только от работы,
одинок в горенке сидит
и, платок свой теребя, на фото,
будто это в первый раз, глядит.
А на нем – совсем еще мальчонка,
сын, погибший в тот далекий год,
но она не верит в похоронку,
словно чуда – возвращенья ждет
и недобрым словом вспоминает
тех, кто эту развязал войну.

И всегда с ним встречу представляет,
отходя с молитвою ко сну.
Август 2009 г.

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

*Памяти М.Д.Шушунина,
защитника Заполярья*

«Я из разведки возвращался,
и по болотам полз к своим.
Внезапно рядом взрыв раздался
и третий ухнул за вторым!
И ходуном все заходило.
Я вжал себя в траву, как мог,
и шесть часов в трясине стылой
под навесным* лежал и мок,
но чудом выжил. Сам не знаю,
что сберегло тогда меня,
да только, видишь вот, страдаю
с того злопамятного дня», –
надрывным кашлем дядя Миша
взорвал в квартире тишину,
и я отчетливо услышал
давно умолкшую войну.
Май 1987 г.

* Имеется в виду под навесным артогнем. – Прим. сост-ля.

ЗАПОМНИВШИЙСЯ БОЙ (отрывок)

*Светлой памяти участника
Великой Отечественной войны
П.И.Санкова*

До сих пор тот огонь смертельный
помню, как фашист наседал
и что наш батальон отдельный
свой рубеж огневой не сдал.
За атакой шел враг в атаку,
в тыл упорно хотел пройти,
но его озверевшим танкам
мы отрезали все пути...
Февраль 2010 г.

РАССКАЗ ПОЖИЛОГО ПОПУТЧИКА (отрывок)

«Начинал мой дед войну танкистом.
Он во многих схватках побывал,
и врагу заклятому, фашистам,
говорили, спуску не давал.
А потом – концлагерь, да, Освенцим.
После ж – в наших долгих восемь лет
на вопросы, как так вышло с немцем,
ничего не говорил в ответ.
Не ворчал, а с лаской и любовью
гладил и конфетку доставал...
Февраль 2010 г.

* * *

В гараже, от лет прошедших – сером,
от цивилизации вдали
пили водку два пенсионера
и неспешно разговор вели.
В основном, о том, как воевали
и о том, что испытать пришлось,
и поочередно вспоминали
то, что болью в них отозвалось

Было что им вспомнить в этот вечер:
как-никак Европа за спиной
и печальной стариковской встречей
завершался зимний выходной.
Наконец закончилась их водка,
только дальше продолжалась жизнь.
...Смолкнув, два пенсионера кротких
по домам тихонько разошлись.
Февраль 2010 г.

МАМА (отрывок)

«Ох,
совсем хвороба доконала:
без таблеток часа не прожить,
забывать простые вещи стала,
а войну вот не могу забыть.
Не забуду, как мы голодали,
как меняли вещи на еду,
как до крошки хлеб всегда съедали,
как могли свалиться на ходу...»
В час, когда встречаем с нею вечер,
начинает мама вспоминать...
Ноябрь 2009 г.

* * *

Все вроде, как и прежде, было
протяженье долгих лет.
И благодарное светило
дарило нам тепло и свет.
Вовсю в ручьях вода журчала,
летали чайки над рекой,
и в парке музыка звучала,
работал рынок городской.
И веселились флагов тени,
день всех между собой роднил,
и деток местный наш священник
знаменьем крестным осенил.
Но этот день обычным не был:
весною, много лет назад,
в ранг высочайший Дня Победы
его возвел простой солдат.

Александр ВОРОНИН,
г.Гатчина Ленинградской обл.-
Петрозаводск

НА ВСТРЕЧЕ С ВЕТЕРАНОМ

Он рассказывал, как брали с боем
высоту. И показалось мне –
это я бегу несжатым полем
к доту, вкопанному на холме.
Видится, как очередь ложится
всплесками, впритирку возле ног,
и солдат отчаянные лица,
все вложивших в яростный рывок.

И не он, а я, достигнув дота,
пожалев, что больше нет гранат,
от смертельной жатвы пулемета
уцелевших – заслонил ребят.
Выжил, посмеявшись над судьбою
и войну оставив позади,
и всегда пять пуль носил с собою,
вынутых из раненой груди.

...Я пришел в себя. У ветерана
помутнел от прошлой боли взгляд.
Вдруг и сам я ощутил те раны.
Боже правый,
как они болят!

Михаил СОРОКИН

РЫБАЦКИЙ ХОЛМ

Из нашего села Бесов Нос Пудожского района, из его двадцати двух домов, ушли на войну сорок человек, в основном рыбаков колхоза «Моряк», а вернулось только тридцать. В том числе и по этой причине села больше нет.

Село мое стояло на холме.
И нет его. Растаяло во тьме.
Нет моего рыбацкого села –
его война с собою унесла...

Заметен всей России этот холм,
моей любви, воспоминаний полн.
И видятся мне трубы над холмом
соседских изб и наш, отцовский, дом.

Я помню голос, помню взгляд отца.
Я уходил на фронт
с того крыльца.

Валерий РУБУШКОВ

НОЧЬ НАКАНУНЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

*Михаилу Николаевичу Сорокину,
участнику боев на Карельском фронте*

Этой ночью ему не до сна –
снова старое сердце болит,
и пугающая тишина
шепчет на ухо: «Всеми забыт...»
И опять от кровати к окну
он отмеряет восемь шагов
и решит: «Уже не усну.
Нынче Бог не послал мне снов».
И сквозь серый табачный дым,
навалившись грудью на стол,
будет видеть себя молодым,
выводящим углем: «Дошел!»
1992 г.

Сергей СИЛИН

* * *

Колонна проходила мимо,
к лампаде Вечного огня.
А он сидел: невыносимо
саднила левая ступня.
Слезилось небо. Пел печально

Бернес о белых журавлях.
Вороны в скверике кричали.
Поникли флаги на домах...
К лампаде Вечного огня,
дымя дешевой сигаретой,
пошел, медалями звеня.
Горела левая ступня,
которой – сорок лет как нету.

Миральда ПЕРМИНОВА
Фергана - Брест – Свислочь –
Москва – Ленинград - Пудож

* * *

...Уже который День Победы
над Русью отсалютовал,
но все не позабыли деды,
как честь им маршал отдавал.

Вот и сегодня порасскажут,
за что вручали ордена,
и фотографии покажут,
друзей припомнив имена.

Сняв шапки, шляпы и фуражки,
у обелиска погрустят
и отхлебнут глоток из фляжки,
помянут всех и всех простят.

Алексей ЗАХАРОВ
п.Мелиоративный Прионежского р-на

*Моему деду – фронтовому шоферу
Власову Евгению Ивановичу посвящаю*

Мой дед в грузовике разбитом
проехал через всю войну.
Однажды был на миг убитым,
взрывную пережив волну.
Его военные награды –
как память схваток боевых,
но на различные парады
не любить надевать он их.
И хоть давно перевалило
ему за семьдесят уже,
далекой юности порывы
не растерял мой дед в душе.
Бывало, выпьет рюмку в праздник

всем объявит горячо:
«Как много есть открытий разных,
но сколько предстоит еще!»

Сергей КОВАЛЕНКО,
Петрозаводск - д.Нахлестово
Орловской обл.

* * *

Дед погиб на войне. Мне увидеть его не пришлось.
С той далекой поры сорок лет, словно миг, пролетели.
Знаю, много из сгинувших без вести –
все же нашлось,
а у нас только фото в альбоме желтели.

Мы однажды под вечер сидели семьей за столом:
шила мать, что-то пела сестра о весне и капели.
Вдруг в прихожей испуганно скрипнула дверь, и потом –
дед вошел!

В сапогах и прожженной солдатской шинели!
Тихо охнул отец и растерянно встал над столом,
мать навстречу пошла, жутко бабушка заголосила...

...Я придумал все это, ведь этого быть не могло.
Потому и придумал,
что очень хотелось, чтоб – было.

Егор ПЕРЦЕВ
Олонец -с.Ворсино Калужской области

Надежно укрыты могилы солдат,
нашедших покой, но не найденных нами.
А солнце, как десятилетия назад,
все так же встает над глухими лесами.
Лишь первая птаха с утра запоеет,
как бор молчаливый начнет просыпаться,
и сосны, встречая далекий восход,
приветливо зорьке в ответ золотятся.

Природа не помнит далеких боев,
не делит умерших на правых-неправых.
Окоп или противотанковый ров
теперь не всегда отличишь от канавы.
Никто не союзник, никто ей не враг
и незачем с кем-то ей мериться силой.
...Воронка снаряда – обычный овраг
и холмик обычный –
быть может, могила.

НА ОБЩЕЙ ВОЛНЕ
(отрывок)

Был я поздно рожден, не попал на войну
и хочу положить не поэтому ли
всем, прикрывшим собой мою мать и страну –
благодарный и горький
поклон до земли.
За «котел сталинградский» и «курский гранит»,
за «пружину московскую», «ладожский мост»
говорю я спасибо свое всем, кто спит
под тяжелым огнем обелисковых звезд...
.....

Всем погибшим пускай будет пухом земля,
всем платившим по самой высокой цене.
И я верю, что все они – слышат меня,
ведь сердца наши бьются
на общей волне.

ОТРЫВОК

Я говорю, что Вечный огонь
холоден, словно лед.
Тот, кто приблизит к нему ладонь,
вряд ли меня поймет.
.....

Где бы я ни был, ночью и днем,
чтоб о войне не забыл –
жжет мою душу синим огнем
холод братских могил.

Андрей КАРПИН
Петрозаводск - п.Муезерский –
Петрозаводск - Турку (Финляндия)

9 МАЯ 1944-ГО

Совсем непросто вспоминать войну,
особенно когда на ней ты не был.
Я нахожусь у времени в плену.
Сегодня встречу с дедом День Победы.
Я посмотрю по телеку парад.
За деда выпью фронтовые... двести.
Его я старше десять лет подряд.
И за столом мы не сидели вместе.

Да, я его не видел никогда.
А если где-то и осталась фотка,
то он на ней моложе... навсегда.
Сорокалетний, молодой, в пилотке...
Погиб в бою:
44-й, май, 9-е...
За год до Дня Победы...

Смотрю парад. Братишка, ну давай
за то, чтоб к внукам возвращались деды...

* * *

Ночь приземлено хороводила
кругами редких фонарей,
а в небе отражалась родина,
где звезды – слезы матерей,
салютный залп над обелисками
и отблеск золотых погон...
Закатным звездам, небу низкому
и родине моей – поклон.

* * *

Красна победами и кровью старых ран,
и памятью красна, живой и вечной.
На Красной площади безногий ветеран
не чувствует себя сейчас увечным.
Забыл, что стар. Забыл, что инвалид.
Что каждый день войны сквозит в морщинах.
...Седой узбек на площади сидит.
Высокий. Выше, чем любой мужчина.

Алексей АВДЫШЕВ

* * *

Как прежде, не люблю немецкой речи.
И хоть давно закончилась война
и время то жестокое далече –
не забывается она.
Мне никогда уже не встретить брата,
отец с улыбкой не откроет дверь.
Их образы храню я в сердце свято.
Из сердца не уходит боль потерь!..
1990-е гг.

Памяти Ю.Б.Левитана

Обезголосела память...
К раструбам черным страна
лица вздымала: плакать?
радоваться сполна?
Если от засухи гари –
голос, тяжелый, как злак.
И, торжествуя:
«...Гагарин!»

Ну, а без этого как:
пауза. «В ходе тяжелых...
И – «...измотав...» А потом –
в небе ликующий сполох:
«...заняли...»
Сладостный ком.

Дачное уйское лето,
сушатся сети вдоль стен,
лук наливается светом,
чайник остыл на плите.
«Родина» – старый приемник,
щуря на банку глазок –
ту, что от «фронта второго»
(плотной тушенки) –
сурово

медля, прочла
пару строк.
1978 г.

Елена НИКОЛАЕВА,
г.Великие Луки Псковской обл. –
г.Ленинград - Кисловодск – Сортавала –
Москва- Петрозаводск

ДВЕ ПЕСНИ

Запела звонкая труба,
рванулся алый шелк...
В поход нелегкий на врага
ушел поутру полк.
И песня с тем полком ушла –
как знамя, впереди.
Людей на бой она звала,
будила гнев в груди.
И так сумел ее творец
слова в ней подобрать,
что много пламенных сердец

смогла она спаять.
Пускай не каждый знал тогда,
кем песня создана,
но в те нелегкие года
она была нужна.

...А на привале, у костра,
когда сгустилась мгла,
той песни младшая сестра
на смену ей пришла.
О милой родине своей,
о красоте земли,
о стае белых журавлей,
о доме, что вдали,
негромко пел суровый хор,
усталость побеждал,
и молча слушал темный бор,
вершинами кивал.
Как песня гнева и борьбы,
сердца зажгла она...

Две песни – словно две судьбы,
и каждая нужна.

* * *

Мальш заплакал.
И тревожной птицей
метнулась мать.
– Не бойся, я с тобой!
Ее порыв –
к ребенку наклониться –
стремительней опасности самой.
И в мирной жизни,
и в огне суровом,
когда слова о долге не нужны,
она собой пожертвовать готова
для счастья близких
и родной страны.
В служении любви, семье,
Отчизне
для женщины в любые времена
естественно рожденье новой жизни
и противоестественна война!
И если все же
участь выпадала
быть наравне с мужчинами в бою,
то и тогда
не гибель утверждала,
а правду материнскую свою.
К работе трудной

приступала смело
езде, где руки женские нужны,
все тяготы
перенести сумела –
чтобы вовеки не было войны!

Поры военной отступили беды.
Мы мирным днем
умеем дорожить!
И сыновья ровесников Победы
уже уходят
в армию служить.
Горит отваги свет
на юных лицах,
спокойной силы их сердца полны...
Служи, мой сын,
чтоб мне тобой гордиться –
и чтоб вовеки
не было войны!

Дмитрий ВЕРЕСОВ
Петрозаводск – Одесса - Петрозаводск –
Москва - Петрозаводск

Ну вот и все – и снова с нами осень
и самоистребление листвы,
и ничего душа уже не просит,
как только лишь – у неба синевы.
И у любви – не музыки, не света,
но ровного тепла, и до весны.
А впрочем, для чего прошу и это...
Все будет. *Лишь бы не было войны.*

Николай ФЕДОРОВ

НА ПЕПЕЛИЩЕ
(отрывок)

Тишина. А слева, справа,
позади и впереди –
засыхающие травы,
хоть кострище разводи.
Здесь когда-то статно, ладно
дом стоял, что твой шатер.
Но его спалил нещадно
сорок первого костер.
.....

Муки дум неугасимы...
Строил дом – к венцу венец –

дед мой Николай Максимыч,
моего отца отец.

.....
И коснулся Божьей волей
голос слуха моего:
«Это кто? Максимыч, что ли?»
«Нет – Петрович, внук его».

8.ТОРОПИТЕСЬ НА НАС ПОСМОТРЕТЬ!..

Владимир ТРОФИМОВ
Петрозаводск

НАСЛЕДНИКИ

Они рейхстаг горящий не видали
и в рукопашном не был ни один.
...Хранят отцы потертые медали
за Прагу, за Варшаву, за Берлин.

Отцы носили со звездой пилотки,
их в бой звала военная труба,
и от скупой оперативной сводки
Европы всей зависела судьба.

И сыновья в отцов пошли – упрямы,
солдатский долг исполняют до конца.
Не переходят по наследству шрамы,
но мужество наследуют сердца.

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

* * *

Матери моей

Колких елей темные лавины,
и шоссе уходит в тишину...
По нему уехал твой любимый
на большую долгую войну.
Вырос сын, легли у глаз морщины.
Сын ушел.
И он одел шинель.
В доме больше нем было мужчины,
старый тополь у окна шумел.
Сын ушел.
Шумел ветвями тополь,
и в болоте вязли валуны.
Сын ушел.
Затих солдатский топот.
Сын ушел, чтоб не было войны.
Поклонюсь я твоему порогу.
Не найти сильней твоей любви.
Выйди, мать.

На давнюю дорогу
и на жизнь его благослови.

Александр ИВАНОВ

МАНЕВРЫ

Гудят за лесом транспортеры.
Грохочут танки. Пушки бьют.
Идут цепочкою саперы...
А птицы певчие поют.
Им, видимо, и дела мало,
маневры тут или война.
А нам... А нам уже досталось!
От ранней зорьки дотемна
мы по чашобе пробирались,
переходили реки вброд,
ползли болотами, сражались
и «вражеский» разбили взвод.
Устали... Кто там спорить станет?
Присуще людям уставать...
Но если впрямь беда нагрянет,
нам будет легче воевать.
1966 г.

Рейо ТАКАЛА

* * *

Опоясали Землю ракетными базами.
И соседствуют лекции с противогазами.
После долгих занятий физик с лириком рядом
смотрят в прорезь прицела
чуть прищуренным взглядом.

Понимаю, что нужно,
просто – необходимо,
чтобы не задохнуться от военного дыма,
чтобы скорби не видеть возле глаз материнских,
одинаково близких мне,
что русских, что финских...

Дочь из школы приходит
снегирем красногалстучным,
смехом дом наполняет, словно светом негаснущим.
У нее, как у сверстниц, и заботы, и хлопоты,
сочиненья по русскому и по физике опыты.
Пионерские сборы и, конечно же, книжки.
О войне она знает,
к счастью, лишь понаслышке.

Потому и следим мы за ракетными базами,
потому примеряемся к противогазам мы.
Потому и уходим мы в солдаты по осени,

чтобы падало солнце
в наши окна из просини.
Начало 1970-х гг.

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

СТОИТ ЧАСОВОЙ

Луна застывший черный лес умыла,
хруст ветки раскатился и умолк.
И вот опять протяжно и уныло
зовет кого-то в ночь –
далекий волк.
Молчат снега у скального гранита.
И гороскопы звезд над головой.
Здесь, у промерзшей северной границы
стоит солдат.
Российский часовой.
И сосны стынут снежно и лохмато,
стволами взмыв в ночную пустоту...
А он стоит.
Познав судьбу солдата.
Штыком отодвигая темноту.
1960-е гг.

НА ЛИНИИ

На тридцати термометр застыл,
поземка сыплет белым порошком,
хрустит январский голубой настил,
искрится грудой звездочек-светил,
скрипит, поет под мерзлым сапогом.

И на столбе, где звонок ветра свист,
в седых, морозных, белых проводах,
на руки дышит красные связист,
а воздух чист, а воздух жгуче чист,
и замер лес в серебряных рядах.

Перчатки, смерзшись, на снегу лежат,
а хлесткий ветер гулко шепчет: «Слазь...»
Оборванный конец в зубах зажат...
И пусть березы стонут и дрожат,
но этот парень – восстановит связь.

* * *

Вы слышали полуночный
дрожащий гул антенн,
где нет ни лампы уличной,

ни крыш, ни прочих стен?
Где ряд палаток лагерных
да чуткий сон берез, где мох,
шершавый ягельник
да валуны вразброс?

Конечно, вы не слышали
антенный мерный гул,
когда у вас над крышами
норд-ост надрывный дул,
когда о скалы брошенный,
где звонкий стынет лед,
не смог пройти непрошенный
высотный самолет.

Вы все-таки прислушайтесь,
когда всплывет луна,
и будет ночь при случае
тиха и холодна,
когда свободней дышится,
и словно лес уснул...
И, может быть, услышите
далекий мерный гул.

Лев ЛЕВИНСОН

* * *

Девчонки рождения послевоенного года,
смотрите, какая стоит голубая погода,
какие ветра пролетают, какие пылают закаты,
какие мальчишки сквозь осень уходят в солдаты.
Они еще в штатском пойдут до вокзала в колоннах.
Вы помните, помните, этих мальчишек влюбленных.
Они вам напишут, как только на место прибудут.
Они ведь солдаты. Они-то уж нас не забудут.
Уходят солдаты сквозь желтые ветры России.
Они на прощанье у вас ничего не спросили,
а только вздохнули: «Ну что ж, оставайтесь, до встречи...»
И вас на мгновенье к себе притянули за плечи.
И время все мчится: дожди, снегопады, капли...
А где-то мальчишки проходят в солдатских шинелях,
и только для вас по России несут почтальоны
их письма без марок* в веселых конвертах зеленых.
Девчонки, девчонки, а вам ожидать их мешают,
в субботу на танцы друзья каждый раз приглашают,
а вас из кино провожают другие ребята,
но будьте солдатам верны,
потому что вам верят солдаты.

** Советском Союзе письма, отправляемые солдатами срочной службы и соответственно промаркированные треугольной печатью, были – без марок, т.е. стоили отправителю много дешевле. – Прим. сост-ля.*

СТИХИ О СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

Виктору Потиевскому

Сквозь грозы, листопады и метели,
в крутых дорогах, в ливнях и в пыли
мы пронесли солдатские шинели,
как будто юность нашу пронесли.
Моя шинель!

Она видала виды!
Я спал под ней и на земле стелил.
Я с ней делил короткие обиды
и радости короткие делил.
Тоску по дальним спрятав за усмешку,
я жил солдатским праведным трудом.
И по ночам мне снились вперемешку
стихи и танки, женщины и дом.
Ах, память, вот смешная!
То молчишь ты,
то прошлому упрямо смотришь вслед.
Сегодня служат в армии мальчишки,
которым только восемнадцать лет.
Но вперемешку,
словно нам когда-то
в ночах, среди короткой тишины,
им снятся и стихи, и автоматы,
и женщины, не знавшие войны.
Уже давно свое мы отслужили,
надели пиджаки, ушли в запас.
Мы строили, любили, просто жили,
и кто-то песни написал про нас.
Но если сквозь метель пойдут куда-то
солдатские ночные поезда,
возьму шинель и стану вновь солдатом –
на месяц,

на год

или навсегда.

Чтоб наши флаги на ветру алели,
чтоб были лица детские ясны –
на то и есть солдатские шинели.
На то всегда солдатские шинели
для нас – гражданских лиц – припасены.

* * *

Опять тревогой дышат новости,
опять звучит:

– Война, война...
А на дворе мальчишки носятся
и с ними – девочка одна.
Ах, детство!
Снег, сугробы талые...
Мы тоже много лет назад
вели мальчишечьи баталии
и знали: наши победят!

Да, победят. А что убитые?
Что дым спаленных городов,
равнины, пахарем забытые,
и слезы сотен тысяч вдов?!
Победа. Да, она останется
всегда за нашей стороной,
но только как она достанется:
какой судьбой?
Какой ценой?

Марат ТАРАСОВ

НА ГРАНИЦЕ

Как будто в поздний час проверки,
в настороженной тишине,
подтянутый и островерхий, –
поднялся бор,
сосна к сосне.

Чтоб недруг, хитрый и умелый,
сюда во мраке не проник,
здесь ночь нарочно стала белой,
прозрачной,
как лесной родник.

Но если враг к границе выйдет,
сумеет обойти дозор,
сама земля его увидит
глазами тысячи озер.

Рейо ТАКАЛА

В РАЗВЕДКЕ

Идем... Не шелохнется ветка.
Сучок не хрустнет под ногой.
На то и есть она, разведка,

бесшумный поиск в час ночной.
Луна, подобно верхолазу,
штурмует высоту небес.
Темно, но опытному глазу –
как дом родной, притихший лес.

Идем в зеленых маскхалатах,
и, вглядываясь в темноту,
мы узнаем ряды палаток
и часового на посту.
Ползем на тень от часового,
на звук его шагов ползем.
Он начеку. Он смотрит в оба,
но все же мы его возьмем.

Пусть не пришла еще к нам зрелость,
и мы похожи на юнцов,
но нашу ловкость, нашу смелость
мы переняли – от отцов.

Владимир МОРОЗОВ,
Петрозаводск - .Москва

ДОЧЬ ЛЕСНИЧЕГО

Не целованы мы девчатами
с той поры, почитай, когда
стали нас называть солдатами
и потом привезли сюда.
Сопки. Лес. Комары кусаются,
да непуганый бродит лось...
У лесничего дочь красавица –
вот отсюда и началось.

Старшина стал журить придирчиво
нас впервые за внешний лоск:
– Ишь, увидели хлопцы дивчину –
и растаяли, словно воск.
Но гитару за горло мучая,
сам порою от нас тайком
«Очи черные, очи жгучие»
пел простуженным тенорком.

И, конечно же, струны выдали
нам душевный секрет его.
И, конечно же, мы увидели,
что и он, как и мы – того...
А когда он, не сладив с нервами,
вдруг отбросил гитару зло,
я сказал ему:

– Вам не первому

в этом доме не повезло.
И подумалось: это к лучшему
для насытых сердец мужчин.
Мы соперничеством не мучимы,
и для ревности нет причин.

Неприступная дочь лесничего,
ты, конечно, во всем права...
Осень. Нет больше гама птичьего,
поржавела в лесу трава.
Стали хмурыми сопки дальние,
зарябили в глазах дожди...
Черноглазая, до свидания,
уезжаем, назад не жди.

Не серчай, если чем обидели!
И такое сказав едва,
мы в окошке ее увидели,
как ответ на свои слова.
На груди ее руки скрещены
и в ресницах не видно глаз.
Молчаливые слезы женщины,
кто постичь умудрится вас?
Где же тут установишь истину,
если совесть у всех чиста.
Плачут так об одном-единственном,
нас же – более чем полста.

Ты скажи нам, скажи по совести,
это кто же он – твой один?
С ним мы вовсе не будем ссориться,
мы тебе его отдадим.
Кто он? –

Утренний лес колыхается,
ветер золото рвет с вершин...
– По машина-ам! –
команда слышится,
и трещат кузова машин.

РОДИНЕ

Я знаю, что не слов красивых ждешь ты,
моя многострадальная страна.
Ведь ты слабей не станешь оттого, что
не стану я твердить, как ты сильна.

Шинель сниму, мне мать пиджак примерит...
Я выйду ночью слушать соловья...
В любви клянутся те, кому не верят,
а ты ведь веришь мне, земля моя!

Герман ЦВЕТКОВ

* * *

Темнело. Поезд шел куда-то,
и громыхали буфера.
Призывники, дружки-ребята,
орали песни до утра.
А мне казалось: вдоль перрона,
в платочке сереньком своем,
за ускользящим вагоном
бежала мама под дождем
и становилась – тоньше, тоньше...
Вот будто веточка она...
И в каждой пролетавшей роще
ее я видел из окна.
Начало 1970-х гг.

Геннадий ЗОРИН

ПРИЗЫВНИКИ

Идут, повзрослевшие сразу.
Идут, еще в штатском пока.
К вокзалу идут по приказу
дорогой, что так коротка.
Походная песня крылато
над строем неровным взвилась.
Уходят ребята в солдаты –
суровая времени власть.

Такая уж доля мужская –
почетная тем, что трудна.
Вслед женщина смотрит, вздыхая,
и шепчет: «Хотя б не война...»
Идут, повзрослевшие сразу.
И труден, и ясен маршрут.
...Подвластные сердца приказу,
мальчишки в мужчины идут
1970-е гг.

Николай ШИЛОВ,
Архангельск – Петрозаводск

* * *

Был вчера я на гражданке,
Нынче в армию иду.
Все, завязываю с пьянкой
В шестьдесят втором году.
В старой сумке – кружка, ложка,
Банка кильки на три дня.
И рисуюсь я немножко,
Мысли черные гоня.

Я стою в строю неровном
Балагурящих ребят.
Из иного мира словно
Эти странные слова:
«Меня зовут сержант Симонов».

Начинаю все сначала.
Я такой же и другой.
И девчонка на причале
Машет, пусть не мне, рукой.

Анатолий ГРАЧЕВ
с.Пяльма Пудожского р-на –
Петрозаводск

ПРОВОДЫ

Листья желтые на деревьях,
будто свечи, тускло горят...
Провожают у нас в деревне
на солдатскую службу ребят.
А гармошка, подруга верная,
загрустила, видать, всерьез.
Тяжело матерям, наверное,
им не скрыть подступивших слез.

Нынче нет войны, время мирное,
но никак матерей не унять...
Мы сегодня такие смирные –
невозможно просто узнать.
Аккуратненько все подстрижены,
а вокруг напутствий слова.
...Светит ласково солнце рыжее,
словно Петькина голова.

ПОДГОТОВКА К ПАРАДУ

На плацу полковом,
как патроны в обоймах – солдаты.
И в торжественном марше
горит оркестровая медь.
Подготовка к параду.
Десантные сжав автоматы,
мы шагаем, шагаем –
и некому пот утереть.
Только топот сапог...

Словно гвозди в бетонку вбиваем.
И сегодня для нас
нет нужней и важней дисциплин.
Перекурим на месте –
снова шагаем, шагаем, шагаем,
так что соль выступает
и тая, стекает со спин.
«Рубим» так, что рассвет
и бетонка гудит под ногами.
Беспреданно зовет, торопя,
оркестровая медь.
Мы чертовски устали
пудовыми бить сапогами.

Но как грянет парад –
торопитесь на нас посмотреть!
Начало 1970-х гг.

Алексей ЛИВАНОВ (Иванов),
с.Крошнозеро Пряжинского р-на –
Петрозаводск-Сегежа - Крошнозеро-
п.Пряжа- Петрозаводск

КОНЦЕРТ

Тосклив, как дождь, солдатский клуб:
ни юных девушек, ни танцев...
Но знаменитые «Испанцы»
звучали средь колонн и тумб.
Веселая виолончель
захлебывалась в баритоне,
и мысли тихие о доме
вдруг становились горячей...
Казалось бы: какая связь
между Россией и Севильей?
Но там, где логика бессильна,
плетет искусство – чуда вязь.

Нелепый виолончелист,
боец осеннего призыва,
пилотку нахлобучив криво,
перевернул последний лист.
Ему сказали: «Не молчи!»
Смычком послушным души трогай,
пока знакомою тревогой
вдали труба не прозвучит.
1970-е гг.

Виктор АКСЕНОВ

ПРИВАЛ

(из армейского блокнота)

Солнце сползает за горизонт.
Снег на закате ало...
Мы чувствуем сердцем особый резон
в короткой команде: «Привал!»
Лыжи сбросить, костер разжечь –
дело пяти минут.

...Врубается человечья речь
в северный неуют.
Ночь подошла на голоса,
Тихо присела в круг...
Последний привал.
Через полчаса –
бросок за Полярный круг.

Анатолий ИВАНОВ

ПОЗДНИЙ ЧАЙ

А служба – с бани начиналась.
Еще знакомая едва,
в предбанник шумно набивалась
разноголосая братва.
Водою, шутками, вехоткой
мы смыли пыль вчерашних дней
и вышли новою походкой
из банных стареньких дверей.
И встали в строй. И подтянулись,
команды слушая металл.
Нам только звезды улыбнулись
над городком, который спал.

И старшина, нам глядя в лица,
сказал: «Всем взять сухой паек.
С дороги надо подкрепиться.

Печенье наше – ваш чаек».
И показалось нам, как будто
мы дома чай из кружек пьем,
и сон наш крепок был под утро,
когда звучало нам: «Подъем!»

...Летели дни, гудели ноги,
любимые писали нам.
Ученья, марши и тревоги,
и соль, и спички пополам.
Душа мужала, крепи нервы,
работы было – успевай!
Но вспоминался день тот первый:
поход наш в баню, поздний чай.

Александра ДЕМЕХИНА

ОЖИДАНИЕ (отрывок)

Как лопочет осина
на сентябрьском ветру!
Мать ждет писем от сына
и не спит поутру.
Знать, далеко заехал
по солдатским делам.
И плохая утеха –
телевизор для мам
В приоткрытые окна
в дом течет тишина.
Мать в раздумье глубоком,
ожиданьем полна...
1985 г.

Михаил ГУБИН
Сортавала

НОВОБРАНЕЦ (отрывок)

«Что мне дожди? – браню их на задворках.
Что мне любовь? – сгорела от огня.
А я сегодня на стальных подпорках,
вот забирают в армию меня», –
он говорил: Машина-колымага...»
Не мог припомнить, что и как вчера?..
Он нахлестался двухнедельной браги
и всем кричал: «В штыки идем! Ура!»
.....
Он знал пока один листок повестки,
свою пострижку и военкомат

Куда, куда же по железной ветке
его везут? Где вручат автомат?
А там казармы, сапоги, портянки...
Да и присягу принимал в мороз.
И детства – все рассыпаны останки,
и плац – родной. И служба та – всерьез.
А год спустя он вспомнил с мутью брагу:
«Ах, сколько ж сил заразой унесло!»
... И все же был отмечен за отвагу.
Братве кричал: «Вот так держать весло!»
Середина 1980-х

Владимир СУДАКОВ

* * *

Перелистал армейские блокноты:
о службе в них –
все лишь две строки.

СИГАРЕТА. 1972 ГОД

Во сне – не по уставу!
...Мы на аэродроме,
на краешке державы
лежим в солдатской дреме.
Готовы «Сушки» в воздух,
высокий и упругий,
и сигарета –
дозами,
последняя, по кругу.
В пустой траве, пропахшей
сгоревшим керосином,
один глядел на пашни,
другой сказал о сыне.
Наш разговор сместился
о старшине суровом...

...Я начисто забыл все,
во мне застряло слово.
Мне хватит и надолго –
на жизнь – минуты этой.
Не надо слов о долге:
в долгу. За сигарету.
Я буду помнить, верьте...

Меня уж в бок толкают.
Сидим, отвертки вертим,
в итоге – замолкая.
Пилотки отложили,

забыв о сигарете...
Ее – во сне, не в жизни –
за нас докурит
ветер.

ДЕМБЕЛЬСКОЕ
(Эстония. Пярну. 1972)

Дембельский месяц – дурманящий май,
море вздыхает по-летнему кротко.
Вот и пора уже думать: «Прощай,
каша с селедкой, дерьмовая водка,
ставший родным карабин СКС,
в небо упершаяся бетонка...»
Скажут: «Вернись!» – откажусь наотрез:
не улыбается встречно эстонка.

Давние – не повернуться - года,
где разошлись мы в прощальное лето:
Шройтман – ну, он хлеборез, как всегда,
Цой – каптенармус, Майка – ефрейтор.
Ласточек быстрый пролет за стреху,
в «ящике» робкий дебют Пугачевой.
Рядом, читая «Бухтины» Белова,
громко смеется кавказец Яхутль.
Входит Малышко, сержант-старшина –
не дослужиться до прапора парню:
«Что же, ребята, устали со сна?..»
И «жеребята» со смеху упали.
Костя из немцев, кубанский казак,
как вы теперь и тихоня литовец?..
О нерекламный запах казарм!
О некупринско-советская повесть!

Дремлет за сталью ворот самолет,
а в двух кварталах, штопая славу,
подлеповатый Самойлов плетет
про королеву, мою Ярославну.
«Что-то не снятся великие сны», –
пишет поэт. Да мне тоже, признаться,
только лишь скалы, от солнца красны,
вишенья два парашютика снятся,
шпал креозотных путь на восток
и пограничная леса полоска.

...Бюргерский чопорный городок,
неба державного выцветший лоскут.

ВСТРЕЧНЫЕ ЭШЕЛОНЫ

Гремит прощальная «Славянка»,
горчит гуцульская сливянка,
и тост весом от полноты
сердечной. За два долгих года!
Весь мир – служилому народу –
как исполнение мечты!

«О, Господи!» – душа исторгнет
и столько поводов к восторгу
найдет – с ума бы не сойти!
Немного надо человеку
для счастья – переехать реку
и по своей земле пройти!

Снег в зеленеющих Карпатах
весь пересчитан на караты,
сверкнет слезой, алмазов склон...
Вдруг из тоннеля по опушке,
как будто выстрелен из пушки,
в разрывах дыма – эшелон!
И скорость сбрасывает он.

Кричат из окон новобранцы,
и в голосах – не разобраться,
чистосердечен их порыв
и к Родине, доступной взглядам,
и к нам, – мы рядом и не рядом –
молчим, свое определив.

...Не зря, конечно, ночью гулкой
мы покидали караулку
и шли на звездный пост из тьмы,
усвоив правду без бравады,
что защищать Россию надо
и только с нею будем мы!

*Автор в начале 1970-х годов проходил срочную службу в Венгрии. – Прим. сост-ля

Борис ИЛЬЮТИК

* * *

Я в землянках не спал и не мерз по окопам,
не лежал на снегу под свинцовым дождем.
И неведомы мне партизанские тропы:
мы иными дорогами нынче идем.

На учениях только и видел воочью,
как уродует матушку-землю металл.
И меня с батальоном в дорогу средь ночи
лишь учебной тревоги сигнал поднимал.

Я готов и в промерзшую землю вгрызаться,
и пройти километры нелегких дорог,
по учебным тревогам готов подниматься,
лишь бы не было больше военных тревог.

Игорь АВЕРЬЯНОВ
Петрозаводск

В ВОЕННОМ ГОРОДКЕ

Проходили улицею танки,
поднимая пыль под облака.
В типографии дрожали гранки,
выбивая дробью звон свинца.
Уходили танки торопливо,
вот уже последний луч погас,
а у окон жены молчаливо,
по тревоге провожали нас.

Виталий КРАСКОВ
Петрозаводск - п.Ладва
Прионежского р-на

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЕ СБОРЫ

По худой скуле лейтенанта
ходят круглые желваки,
под началом его команда –
развеселые мужики.
Тут, похоже, не жди награды,
жди убытка или вреда:
посылает он их в наряды,
а они его – кто куда.

С этих воинов взятки гладки –
рядовые, не комсостав,
наплевали на все порядки
и придумали свой устав.
Просыпаются спозаранку
и, набив в рюкзаки вина,
затевают с обеда пьянку,
очень долгую – дотемна.

Он усюветить их пытался
и войну объявлял, и мир,

но на пятые сутки сдался
замордованный командир.
И, в казарму войдя несмело,
в настороженной тишине
произнес: «Раз такое дело,
наливайте тогда и мне!»

Дружно выпили, закусили
и сказали ему: «Ну что ж,
раз ты свой – не журишь, Василий.
С нами, милый, не пропадешь!»
И пошли у них разговоры
о судьбе, о добре, о зле...

Называлось все это – сборы.
Двухнедельные. В феврале.

Александр ВАЛЕНТИК

* * *

*О, память сердца! Ты сильней...
К.Батюшков*

Не сойти с ностальгической ноты...
Память сердца... Ах, Батюшков прав!..
И над тундрой – студенческой роты
до сих пор не стихает «ура».
Эти сборы поры безвоенной.
И потешные стрельбы – всерьез.
Самоволки... Кипенье сирени...
Память сердца... По коже мороз!..

Память сердца... И не было дали...
То Онего... Та баржа... Война...
Те теплушки... Бомбежки... Вокзалы...
Заказанская сторона...
И отец – из войны невредимый!
Да и мама опять молода!..
И втроем (память сердца!) сидим мы,
не расстанемся никогда...
1995 г.

Владимир СУДАКОВ

ХУУХКАНМЯКСКИЕ* «ПАРТИЗАНЫ»

*Юрию Шипунову
Игорю Парамонову,
Валерию Смирнову*

Вот снимок: сборы, мартовская грязь,

сидим в проеме тоненькой палатки –
два лейтенанта. Вроде, жалко нас?
Чего жалеть, ведь ни одной заплатки!
И не толкать из колеи ЗИЛы:
«дивизионка», легкая работа.
Начнем писать – опустим все, чем злы.
Уж видно, такова судьба пехоты.

Мы курим, жадно щурясь на тепло,
брзент, сугроб за ним – белы от солнца,
Ночами ж – тянем руки, что свело,
Застылые, к печуркину оконцу.
Дежурство у «буржуйки» до утра:
озноб, дремота, чай пузырчат пенный
и думы, думы обо всем подряд,
а в темь шагнешь – во всех палатках тени
и слышно все насквозь.

Нет тайн в краю,
где зыбкие жилища ряд за рядом.
И наша – к лесу ближе, у ружсклада,
но – первая в платочном строю.
Сидим. За перелеском косачи,
над ними низко утки протянули...
Сейчас докурим и пойдем «строчить».

Случись чего –
шагнули бы под пули?
Середина 1980-х гг.

.....
**Хуухканмяки – ж/д станции около г.Лахденрохья, где долгие годы проводились военные сборы отслуживших «срочную» солдат. По некоторым данным (было опубликовано соответствующее фото в Интернете), здесь проходил сборы и нынешний премьер-министр России Медведев. – Прим. сост-ля.*

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

Донашивает китель мой – отец,
но перешил, как сам носил солдатом.
– Не жалко, но испортил ты вконец.
Удобный был.
– Мне так привычней как-то...
С утра его на плечи, и весь день –
в сарай и в город...
– Есть же что-то лучше.
Да скинь его! Пиджак хотя б надень.
Сказал, а знаю:
он же не приучен.
Начало 1980-х гг.

* * *

Под северным небом родился и жил,
российской речушкой вспоен,
вдали от Отечества – ты ей служил,
свободы и равенства воин.
Нет горя чужого для русских сердец,
у нас не такие истоки.
Об этом Европе поведал твой дед,
а ты подтвердил – на Востоке.
1987 г.

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА (отрывок)

Откуда вы летите и куда,
тревожно окликаая полустанки?..
Я слышу вас, ночные поезда,
я помню марш «Прощание славянки»...
31.08.1992 г.

* * *

...Меня на Курилы служить занесло,
Границу России хранить повезло.
Бывают здесь штормы и дуют ветра,
Наряды в дозоре – надев свитера...

ОФИЦЕРСКИЙ ВАЛЬС

Тихо и пусто в накуренной комнате,
стынет на столике чай.
Милая женщина, только не помните,
что я сказал невзначай.
Только не помните, что было весело,
что не кончались стихи,
что повторялась банальная песенка,
но – не про наши грехи.

Я открываю скрипучую форточку,
полночь врывается в дом:
поздняя осень в оранжевой кофточке
тихо стоит под окном.
Тюлевой тканью она занавешена,
грустью прощальных минут.
...Мне и не верится, милая женщина,
что вы сидели вот тут.

Декабрь 1992 г.

Олег МОШНИКОВ,
Петрозаводск - Подмоскowie-
Азия – Свердловск - Петрозаводск

КАРАУЛ
(отрывок)

Гляжу я в ночи караула
и узнаю своих ребят –
года под автоматным дулом
штыками небо серебрят.
И разводящий их сутулый –
заговоренная мишень.
И бахрома лесного гула
вцепилась в черную шинель...

ПЕРЕД ПАРАДОМ
(отрывок)

Поздний час на небе вышил
серебристый аксельбант.
Поднял палочку повыше
барабанщик-музыкант.
Громко тикает светило.
Тень карабкалась к нулям.
Только б сердце не забыло
барабанный этот ямб!..

МАРШ-БРОСОК
(отрывок)

Километры пути
по делянкам идти,
где по пояс природа раздета.
Растянули флажки
для моих двадцати,
двадцати с небольшим километров.
.....

Отпусти-и-и
на секунду тугие ремни,
узелок на ушанке распутай.
Я сломаю о пень
две слоеных доски,
убегу без дороги разутый!
.....

Километры пути
за спиною идти
занесенного снегом соседа:
запотели очки
от смертельной тоски,
и ему «не дожить до обеда».

Вот он вновь не бежит,
торопясь – не спешит.
Я с хвоста обреченного скинул.
И не слышно: «Лыжню!»
И не сладко ему под ударами палок о спину.

Мои шансы – «нули».
В наступленье пошли
те, кто тыл прикрывали глубокий.
Но я сделал рывок,
я бегу марш-бросок,
пляшет небо в прицеле дороги...

Километры пути
далеко позади.
До предела натянута нервы.
И всему вопреки
я иду на флажки...
И пока на дистанции – первый!

СИРЕНЬ

*Друзьям, офицерам-артиллеристам выпуск
1988 г.*

Лейтенанты мои, лейтенанты –
разобщенные звенья Союза –
бесполезны секретные карты
за колючим забором Уктуса:*
И сирени, объятые пламенем,
шли в последние злые атаки...
Опалив ваши пальцы дыханием,
орудийные гложут овраги.

Лейтенанты, бесстрашные мальчики,
отцвела ваша юность недаром:
Под торжественный бой барабанщиков
присягали на знамени алом!..
Вторя шороху шелка по плацу,
сладким дымом окутав колени,

в небе юности, занявшись сразу,
полыхнули сирени... сирени!

**Уктус – Уктусский парк, пригород г.Екатеринбурга, где расположено военное училище. –
Прим. автора*

ПОЛИГОН

Мир полигона – дорога и связь –
в карте штабной отпечаток руки,
линии, стянутые в узелки.
Линии жизни ложатся на грязь.
Собраны гильзы. И сонно гремят
траки, катушки и ведра в тылу.
По бездорожью, как танки, дымят
рощи, вспугнув золотую золу.

Кружит по мертвым полям листопад
с белой снежинкой в петлице косой.
Сыплются листья за красный подклад...
Или шинель тяжелеет росой.
Тлеют горячие нити в июль.
Смыты с ладони дороги войны.
Ранней весной зацветет Чебаркуль...
Жить и опять умирать до весны.

Святослав ДОМАСЕВ,
г.Трубчевск Брянской обл. - Сегежа

ЛЮБИМОЙ (отрывок)

Хранишь ли мои потертые конверты?..
...Там служит всем по-братски
армейский наш уклад
и календарь солдатский –
с отсчетом дней назад.
Там все мои надежды
и боль моей души...
Пока солдатом буду,
почаще мне пиши...

Аркадий РЕУТОВ

* * *

Мальчишка, что рожден в пятидесятом,
ответь мне на единственный вопрос:
«Готов ли ты шагать в строю солдатском
в метель и в зной, и в ливень, и в мороз?»

Готов ли ты, надев стальную каску,
одолевать свинцовую пургу,
как старший брат – на острове Даманском,
стоять на окровавленном снегу?*

Спросить тебя об этом я обязан
по праву уходящего в запас,
ведь я с тобой – одной судьбою связан,
и Родина одна у всех у нас.
Начало 1970-х гг.

* *Советский остров на р.Амур, который в 1968 году был атакован китайцами. – Прим. сост-ля.*

Владимир СУДАКОВ

* * *

Владимиру Труфанову

Одноклассник служил в Уссурийске –
там крепка и донныне броня –
слышал смерть.
Повезло ли, что близко?
И теперь так глядит на меня
издалека. Порой – и не видит...
Будто к острову скрытому вброд,
двинет кепку на лоб,
к школе выйдет,
постоит.
И уйдет.

9. АФГАН, ЧЕЧНЯ, СЕРБИЯ И...

Сергей СИЛИН

ДОЛГ

(рассказ сослуживца)

«Баян надсадился, бедняжка:
вздохнул раз-другой и затих.
Прервался о море мотив.
От пляски – намокла тельняшка.

Мечтал сын о службе на флоте.
Да разве поспоришь с судьбой:
погиб близ Кабула... в пехоте...
Остались модели: вот ботик,
«Аврора», а здесь – «Громобой»...
Печет и печет за грудиной.
Слегла (надломилась) жена.
Не слышал упреков, она –
тайком убивалась по сыну.

Светает – восток окровавлен...
Стук в раму. Вгляделся: сынок?!
Дверь настезь, не чувствую ног.
Пригрезилось. Хлопают ставни.
Колотит озноб: ветерок...»
Середина 1980-х гг.

Григорий ЛАКТИОНКИН
Сортавала

* * *

Рассвет над горами
кровавый встает,
И снова в атаку,
и снова вперед.

Узнаем сегодня,
чья шкура прочней,
и «духи» запомнят
всех наших парней.
В «зеленку» бросок,
на плече автомат.
Не знаем еще,
кто вернется назад.

А сзади Россия,
родная страна.
А справа, в двух метрах,
грохочет война.

А слева, в ущелье,
гремит миномет.
И нас поднимает
команда: «Вперед!».

И к полудню солнце,
как в пекле, печет,
и дым от пожара
по ветру несет.
За дымом
Жестокий огонь снайперов.
И что тебе делать –
решаешь без слов.

И слева, и справа
идет жаркий бой.
Здесь смерть, как старуха,
проходит с косой.
Мы выйдем отсюда,
где бьет пулемет,
а завтра – в атаку.
И снова: «Вперед!..»
14 июня 1995 г.

Валерий РУБУШКОВ

* * *

Домой напишет: «Все нормально.
Я жив-здоров. Целую! Твой...»
Про долг интернациональный
не пишут в почте полевой.
Нет, разумеется, запрета
на эти точные слова,
их повторяют все газеты,
но воин скажет раза два:
когда согласием ответит
на перевод в Афганистан,
когда на всем на белом свете
не будет войн, не будет ран...
Март 1987 г.

ДОРОГА ТУДА... (отрывок)

У взлетной спокойно стоят
твои, комбат, солдаты,
завесою пыли объята.
Темнеет бетонка
и зноем густым обдает.
Один за другим
салятся они в самолет.

Наивность улыбки
во тьму самолета скользнула –
какие мальчишки!
И юность какая дана...
Как будто так надо,
чтоб в гулкое небо Кабула,
как в черную бездну,
на гибель бросала война.

Над горем земным
рассеяны звездные стаи,
и отблеск прожектора
косо блеснул на крыле.
Один за другим
они исчезают во мгле...
Октябрь 1990 г.

ВЫНОСНОЙ ПОСТ

С шестеркой истинных салаг,
хоть каждый и не прост,
кусочек дороги на Саланг
оберегает пост.
Иной оценит красоту
в смешенье лет и зим,
но зной на выносном посту
порой невыносим.

Чтоб не был пулею прожжен
ты в свои двадцать лет,
несешь жилет – ну, как пижон.
Точней, бронезилет.
И, головою дорожа,
как шляпу в жаркий день,
на брови каску не спеша
надвинул набекрень.

Преображаемся в бою,
в жестокости атак.
И ты, комбат, не узнаешь
обстрелянных салаг.
Но и под снайперским огнем,
когда душманы бьют,
пост выносной – солдатский дом –
возвышенный приют.

До облака рукой подать,
рукой подать до зла...
Мне страшно, если бы вдруг мать
увидеть вас могла.

Но только в сполохах огня,
где смерть недалеко,
наверное, узнать тебя
ей будет нелегко...
Октябрь 1990 г.

СОЛДАТСКАЯ ДУША

*Выводу советских войск из
Афганистана посвящается*

Ступив за хребет Гиндукуша,
где солнце тускнеет во мгле,
бессмертную русскую душу
пронес по тревожной земле.

Свинцовые трассы летели
в его нежелезную грудь.
Отметив рубцами на теле
к бессмертию пройденный путь.

Утихли со временем раны.
Но снова, к рассвету спеша,
дорогами Афганистана
в бессоннице бродит душа.
1992 г.

ДОРОГА ОБРАТНО

Старт!.. И на взлет!..
И, чтобы не достали –
отстрел, еще отстрел.
За смертную черту!
И самолет, взвиваясь по спирали,
заглатывает жадно высоту.

Нас прикрывая,
с мастерским расчетом,
не думая о собственной судьбе,
как смертники,
четыре вертолета
приманивают «Стингеры» к себе.

Мне муторно от перегрузки тяжкой,
я словно сплюснут.
Тошно. Весь в поту.
Чуть побледнели лица экипажа:
пока что мы – у смерти на виду.

Еще немного... Все должно решиться...
Мы выбрались!..
От сердца отлегло.
Но этим вертолетчикам – кружиться
всегда незащищенным –
каково!..
Октябрь 1990 г.

СНОВА ЗА РЕЧКУ НАС ПАМЯТЬ ЗОВЕТ...
(отрывок)

Осень как осень, вечер как вечер –
те же друзья, но что-то не так:
будто мы здесь, а где-то за речкой
души остались, как на постах.
Может быть, надо, плюнув на память,
выпить бокал и крикнуть: «Ура!»
А на похмелье чашу разбавить
щами солдатскими из топора.

Вечер как вечер: музыка, тосты.
Вроде, не тянет сосновой доской.
Пьем за Афган! Пусть душманам икнется:
их вспоминаю с нежной тоской
С нами победы и пораженья,
юности след – висков седина.
Вечная память и униженье –
наши медали и ордена.

А на душе отчаянно горько
за пацанов, одетых в гранит.
Счет предъявила им «перестройка»,
золотом стало все, что блестит.
.....

Может, не модно прошлым гордиться?
Дескать, что было – это не в счет.
Только Афган все по-прежнему снится,
снова за речку нас память зовет...
Октябрь 1992 г.

Олег МОШНИКОВ

ОСКОЛОК
(отрывок)

Афган... Признать его ошибкой –
что жив, что без вести пропал...
И до ухода жизни зыбкой
горячий чувствовать металл,

и ждать скольжения слепого
осколка, глядя в потолок,
укола в сердце ножевого,
удара памяти под бок.
И не простится, не простится –
ни вывод войск и ни Союз –
не долетевший до границы
двухсотый, драгоценный груз...

* * *

В городе Грозном плывут в огне
вдоль берегов нефтяные пленки,
путаясь в старой сухой айве,
кружатся в воздухе похоронки.
В городе Грозном идет игра:
порох чеченский, мундир российский.
Росчерком маршальского пера
в небо нацелены обелиски.
В городе Грозном прошли бои:
русский, чечен – под одну гребенку!
Нет здесь ни пяди чужой земли,
нет оправданья своим воронкам.
В городе Грозном ореховый сад.
Лопнут тугие зеленые корки...
Что скорлупа боевых наград,
долго ржавеют в земле осколки.

Валерий РУБУШКОВ

ВЛАДИКАВКАЗ

Снег рисовал Владикавказ
и укрывал дремавший Терек.
Не доносил еще до нас
ни пуль, ни стонов, ни истерик.
Стояла ночь. И на вокзал
ложились мягко хлопья снега.
– До встречи, –
другу я сказал,
сел в мирный поезд и проехал.

Я уезжал и знать не знал,
что в эту ночь с луною синей
через угрюмый перевал
из сел бежали осетины.
Уже горели их дома,
и кровь снега разогревала.
И женщины, сойдя с ума,
детей вели по перевалу.

Я уезжал, и ночь плыла
над крышами Владикавказа.
Сквозь первый снег на вырост шла
раздор-трава,
раздор-зараза.
Декабрь 1992 г.

Светлана РОДИОНОВА
Магнитогорск - Петрозаводск

АЛЕШЕ ТИЕНАРЬ *
(отрывок)

Дрожит земля, от горя стонет небо,
и нет отдохновенья от могил.
Зачем же так жестоко, так нелепо,
сынки, над вами кто-то подшутил?

Дробятся стекла, полыхают рамы,
а где-то тихо аисты живут,
и мальчиков колышут в зыбках мамы,
и девушки к шинелям жестким льнут.

.....
*Погиб в Чечне после призыва. – Прим. автора.

* * *

Две кратких даты. Между ними
младенца лепет, смех юнца
и тяжкий саван из свинца,
что прибыл из Чечни в Россию,
в карельские снега глухие.

От сына мать не отлучалась,
истосковалась. Провела
две ночи рядом. Все прощалась.
Принять душою не могла –
взаправдашность венков и крепа,
недвижность милого лица,
дорожку хвои от крыльца
и ровный свет немого неба.

Борис ИЛЬЮТИК
п.Надвоицы Сегежского р-на –
Беломорск

ОТРЫВОК

Радовались сыну: рос неглупым,
да не знали про его судьбу,
что ему с войны чеченской – трупом
возвратиться в дом родной в гробу.

.....

Ни мечте не сбыться, ни надежде,
и впечатан в души страшный след.
..Бодро смотрит с фото сын, как прежде,
а ему на нем –
семнадцать лет.
13 февраля 2014 г.

Алексей ЗАХАРОВ

* * *

Памяти погибших в Чечне

Мальчишка тяжело осел,
взглянув отчаянно на небо.
Еще пожить он не успел
и вот уж умер...

 Так нелепо
пал на бесславной той войне,
которой не видать салюта,
в своей изменчивой стране,
где жизнь –
дешевле, чем валюта.

Александр ВАЛЕНТИК

* * *

Не венчаться с Чеченской войной –
впору с пулей своей нешальной
повстречаться с доставкой на дом.

И на тихой сторонке родной
не минует беда стороной –
полыхает Россия адом.

ЗАЧЕМ?

Надо мной – голубая высь,
соловей о любви запел,
прохрипел лейтенант: «Ложись!»
Я услышал, но не успел.
И теперь мне уже не встать,
и от звезд – нестерпимый свет,
и не хочется умирать
в девятнадцать неполных лет.

Город Грозный в руинах весь,
и аулы – в туманной мгле,
мое сердце пока что здесь,
а душа – на родной земле.
И последним бредовым сном
я забудусь и не проснусь,
и досрочно в отцовский дом
я в казенном гробу вернусь.
Станет белою мать моя,
и любимая грустит...
Пусть помянут меня друзья,
а обидел кого – простит.
Веет радостью и весной,
как в счастливые времена...

Ну, зачем же ты так со мной,
дорогая моя страна?

Виктор СМИРНОВ
Пудож

«ЧЕЧЕНЕЦ»

Мальчишка – губы не обсохли –
красив, как сказочный Нарцисс,
и автомат собакой дохлой
через плечо его повис.
В кармане грязной гимнастерки –
портрет погибшего отца
и фотография девчонки:
протиснулся с нею у крыльца.

Окопы. Крыши. И подвалы
Крутая перестрелка гроз.
И в танках мальчишки сгорали
подобно вспышкам пуль и звезд.
Тела убитых выносили –
ценою гибели друзей.

А командиры им грозили:
«Не отступать! И бить смелей!»

Мальчишка – губы не обсохли –
читал от матери письмо.
А в нем на фото – двое взрослых
братишек, призванных весной.
Братьёв парнишка не увидит,
дороги с ними разошлись.
Он на братишек не в обиде.
Но вдруг снаряды – ближе, близ...

Мальчишка вывел только строчку:
«Ты не печалься, я вернусь»,
но тут снаряд поставил точку.
В глазах бойца застыла грусть.
Проснулась тотчас дома мама.
Три сына снились ей в ту ночь.
Старшого скрыла телеграмма,
но всем читать ее невмочь.

Чеченцем парня окрестили,
а мать чеченкой нарекли...
Не надо нам чужих бастилий
на каждом краешке земли.
На фотографии могильной
парнишка милый, как Нарцисс.
И автомат – тяжелый, пыльный –
через плечо его повис.
1997 г.

Анатолий МАРТЫНОВ,
г.Коврово Владимирской обл.-
Ярославль - Петрозаводск

БОЛЬ СОЛДАТА
(отрывок)

*Карельским ребятам, солдатам
Чеченской войны, павшим и живым*

Полночь, вокзал, плацкартный вагон,
поезд «Ростов-Москва»,
гитара, галдеж, стаканов звон –
гуляют братки и братва.
От этого шума ныряю в купе,
а там пассажир один:
лет двадцать, тельняшка, берет ВДВ
прячет волну седин.
В углу, под столом – солдатский сапог
и рядом два костыля.

Понял солдат мой вопрос-намек,
молвил: «Чечня отняла...
Все было нормально – Ачхой, Гудермес.
В Грозном не повезло,
наш БТР через площадь полез,
фугасом его разнесло.
А дальше – обычный солдатский путь:
санчасть, Ханкала, Моздок.
Трижды пришлось наркоза хлебнуть,
в итоге – одна из ног.

Сколько ребят там полегло!..
Не надо про воинский дух...
Представьте: зачистка, пустое село,
лишь бродят пять-шесть старух.
Проверим подвалы, дворы, чердаки,
езде – пустота и тишь,
и вдруг стреляют боевики
из нор земляных и с крыш.
Петля в задворках, ползем к БМП
под шквальным свинцовым дождем
и, если фугас не зарыт на тропе, –
может, еще поживем.

.....
В чеченском аду я стал понимать:
мы – пасынки или сыны
и, коль на войну, то Родина – МАТЬ,
МАЧЕХА – если с войны!»

Игорь МУНТИЕВ
п.Муезерский

НЕБО ПЛАЧЕТ

Война, на которой я был,
на которой, быть может, никого не убил,*
но зато я понял, что такое жизнь
и смерть молодых пацанов.
Здесь я понял, что такое жить,
когда тебя могут в любой момент убить.
Здесь я посмотрел смерти в глаза,
но она меня не забрала,
потому что дома меня мать ждала.
И каждый день, когда здесь шел дождь,
я понимал, что
сегодня небо плачет по парням, которые погибли,
потому что они – жили.

Каждый день война и больше – ни хрена.
Но в чем наша вина, за что я воевал? –

я не понимал.
Я только ждал, когда кончится этот бой.
Я только ждал, когда вернусь домой,
и этот день пришел.
Я домой зашел, я покой здесь нашел.
Я вернулся с войны, и этому рады
и мама моя, и все мои пацаны.
Но все равно,
даже здесь, дома, когда идет дождь,
я знаю, что
сегодня небо плачет по парням, которые погибли,
и оно плачет не в последний раз,
потому что они – жили...

**Игорь Мунтие служил в Чечне – Прим сост-ля.*

Анатолий РОДИН
Медвежьегорск

ВАНЮШКА

Отец его убит в Чечне,
мать утонула по весне.

Горюет бабка: болен дед,
на сорванца управы нет.
Один лишь внук в роду – и тот,
никак, разбойником растет.

Он часто бегают к реке,
сидит подолгу на песке:
не подглядит никто в лесу
ребячью, тайную слезу.
Его души беззвучный крик
не слышит даже и кулик.

А бабка внука, как всегда,
к обеду кличет на крыльце.
Но он вернется, лишь когда –
просохнут слезы на лице.
1992 г.

* * *

В.Шпак и всем матерям,
испытавшим боль утраты своих детей*

Давно в круге горя
живу я чужого.
И боль затаилась
под сердцем ожогом.

От слез материнских
болит эта рана.
И в жизни моей
все так зыбко и странно.

И мне без молитвы
не выжить:
порою так страшно.
...У жизни на паперти –
совесть,
забытая, наша...

.....
**Александр Прасолов, сын В.Д.Шпак, погиб в Чечне (декабрь 1994 г.). – Прим. автора.*

Валентина АЛЕКСАНДРОВА
Грозный – Петрозаводск –
Санкт-Петербург

КАЗАЧЬИ ЧАСТУШКИ

Не сберег я от огня
свой иконостас.
Что ж ты, Боже, на меня
пулю не припас!

В дом, где мне давали имя,
я вернуться не могу.
Что ж я не poleg в полыни
на высоком берегу!

Шайкой жадной и бесчестной
край богатый разорен...
Что ж я саблею чеченской
до седла не раскроен!
Петрозаводск, 1993 г.

ЯВЬ

Не могу ни о чем
говорить, кроме этой войны.
Снятся мне по ночам
камуфляжные страшные сны.
Сны железных кровей,
ножевых криминальных мастей.
У волчицы моей
зубы выбиты до челюстей.
Ни костей, ни крови
у волчицы, а в лужах – томат,
да на ребра мои
чей-то давит во снах автомат.

И во снах я в камнях
в камуфляже сижу и – стреляю,
а в людей или змей –
я не знаю, не знаю, не знаю!
Человек я иль змей –
мне не снится, я сплю осторожно,
а на блюдечке дней
тает крем довоенных пирожных.
Петрозаводск, 1995 г.

ГОРСКАЯ ПЕСНЯ (отрывок)

Пусть эту песню услышат долины
моей неубитой страны,
хоть я – только тень, только клекот орлиный,
лишь ветер с чужой стороны.

Пусть слышат мои неказенные горы,
что сгинут разбойник и тать,
что гор не растопчут убийцы и воры,
как нас не смогли растоптать.
Петрозаводск, 2003 г.

Евгений ХЕЙСКАНЕН
Петрозаводск - Вантаа (Финляндия)

* * *

Быстра тяжелых пуль беседа,
густеет небо над Чечней,
неотличима явь от бреда,
и не покрыта кровь землей.
В каком-нибудь дворе усталом
живет, боится человек,
и правит в Грозном мрачным балом
родной изгой – двадцатый век.

Звучат пространные дебаты,
мелькают тучи над страной,
и в беспредел идут солдаты
последней гибнущей весной.

Где мера чаши крутостенной,
что мы должны испить в краю
пустых сердец на ниве брэнной
и участь одолеть свою?
Подвешен траур меж домами,
смешались свет и тишина.
И будет новый день с делами,
но ночь по-прежнему темна.
Март 1995 г.

Елена СОЙНИ

* * *

Взрывая ночь весеннюю,
земля взлетает ввысь –
о Сербии, о Сербии
молчи. Или молись.
На крестный ход зовущее
весь православный свет
да здравствует созвучие
сбивающих ракет!
На юге и на севере
сражается наш взвод.
Спаси, Россия, Сербию,
и Бог тебя спасет.

Вячеслав АГАПИТОВ

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ (отрывок)

Где-то там, за Дунаем и Савой,
оглашенные люди не спят.
Им доверено скорбное право:
не уснувших людей привечать.

Молча молится инок за сербов.
Абрис строгих икон. Аналой.
Югославское грозное небо
зависает над русской страной.
17.05.1999 г.

Александр ВАЛЕНТИК

* * *

О, Сербия, сестра!..
Беда твоя в душе моей дымится.
Я помню синие твои утра,
мне чернь ночей твоею песней длится.

Се смертный стон – твои колокола.
Твой день померк от сатанинской стаи.
И в небо к Богу скорбно поплыла
твоя молитва кроткая, простая.

О, Сербия!.. На Божием лице
печаль твоя – слезой последней века.
Есть справедливость в праведной руке,
да правда эта выше человека.
Июль 1999 г.

Михаил БАШНИН
Петрозаводск

* * *

Не ведая голоса истины,
священную землю бомбят –
окраины города Приштины,
охваченный дымом Белград.

А где-то в окрестностях
Грозного железный работает «Град»,
и с бледного неба беззвездного
летит за снарядом снаряд.

И люди, как злые волшебники,
слагают легенды в тиши
и пишут пустые учебники
о тайнах славянской души.

Алексей ЛИВАНОВ
(Иванов)

МОНОЛОГИ В ПИВНОМ БАРЕ

Я обманывать не стану.
Что мне врать? Какой резон
Я в горах Афганистана
был – и совесть, и закон.
Что вы знаете о войнах?
Понаслышке и кино!
А вы нюхали зловонных,

не хороненных давно?
Я ходил, от крови пьяный:
выше в горы и вперед!
Позже понял, что душманы –
это тоже, брат, народ.
Думал, плюну: лучше лагерь.
Но когда мой друг упал,
каждый раз японца матерь
со снарядам посылал!

Вот смотрю на ваши лица:
в тыщу лет вам не понять,
что сосед меня убийцей
не по пьянке начал звать...
Что сосед? Мужик ученый,
чистоплюй, интеллигент!
Я же – взрывом закопченный,
на меня порухи нет.
Что красиво-некрасиво,
не о том теперь печаль...

Крановщик! Плесни, брат, пива.
Денег нет. Возьми медаль.

Светлана ЗАХАРЧЕНКО
Петрозаводск

* * *

Господи!
Младший сержант в троллейбусе,
идушем по ночному заснеженному городу,
смело перешагивает рамки приличия,
подходя к незнакомке с лыжами:
– У меня там тоже были лыжи,
только широкие... –
В голосе его
километрами афгано-чеченских марш-бросков
мелькает тоска, –
он живет войной
и беспомощен перед миром.
Возлюбленный мой!
Ты вооружил его верой,
Ты научил его стойкости,
он прошел школу на выживание,
он умеет возвращаться домой,
но почему он никак не вернется к себе?
Из цикла псалмодий «Под сенью крыл Твоих»

* * *

Осетинскому народу посвящается

Свечи за здоровье гаснут от слёз.
За упокой их не смеют поставить.
Сердце насквозь пробирает мороз
и начинает отказывать память.

Мир перевернут, как в книге листок:
слово «война» расплывается кровью.
Свечка погасшая – жизни итог,
тень восковая у изголовья.

И невозможно смириться с бедой.
Верится в чудо: всё будет в порядке.
Папы сегодня вернутся домой.
Дети наутро проснутся в кроватках.

Воспринимается правда, как бред:
нет их в живых, на свете их нет...
11.08.2008 г. (12:30)

Леонид АВКСЕНТЬЕВ
Петрозаводск

ТЕЛЕНОВОСТИ

На Кавказе война. Мать глядит на экран:
там дорога, разбитый на ней караван,
БТРы пылают, воронки чадят,
а на плане переднем – убитый солдат.
Сонный диктора голос о чем-то бубнит...

Рот прикрывши рукой, мать на сына глядит.
Все глядит и не верит – на родное лицо:
«Ведь сегодня пришло от тебя письмецо,
где ты пишешь, что скоро вернешься домой,
что вернешься здоровый, вернешься живой.
Пишешь, что Лососинка все снится во сне,
что подарок готов юбилейный твой – мне.
Просишь снова приветы друзьям передать.
И постскриптум, что – больше не будешь писать...

Да и вправду зачем,
Раз домой все равно...

* * *

Мне не пришлось носить шинели
и мерзнуть на посту в метели.
Мне не давили плеч погоны,
когда на фронт гуськом вагоны
со всей России колесили,
а вслед им жены голосили.
И в снайперский прицел душмана
я не попал в горах Афгана.
Не был пленен, не пал убитым
я бородатым ваххабитом
в бою под Грозным...

Так сложилось.

Не довелось. Не получилось.
Да что об этом говорить:
не всем отпущено служить.
Но только словно ноют раны,
когда я слышу, как с экрана
порочит знамя и мундир
от шоу-бизнеса кумир.
Порочит маршала, солдата,
порочит все, что было свято.

Мол, воевать мы не умели,
насилу немца одолели.
А почему мы победили? –
американцы пособили.
И снова будто ныли раны,
когда «афганцу» ветерану
девчонка-секретарь кричала:
«Я вас туда не посылала!»
А он, высокий и нескладный,
стоял пред ней на костылях
и – боль была в его глазах.

.....

...Звучит мелодия с экрана –
мальчишек, поседевших рано,
ансамбль поет.

Блестят награды.

Поют, что в ночь идут отряды.
Поют про дом и про невесту,
с которой скоро будут вместе,
про гибель друга, про комбата –
ведь с песней легче жизнь солдата.

...Мне не пришлось носить шинели,
но песни их – мне душу грели.

* * *

Мальчики, ушедшие по спискам,
призванные в свой последний бой...
Век двадцатый встанет обелиском
над твоею, Родина, судьбой.

Анатолий ИВАНОВ

БЕССОННИЦА

*Встреча с ветеранами афганской и
чеченской войн в клубе «Россияне»*

Не знаю, в чем моя вина,
но, видно, в жизни так бывает:
ночами снится мне война,
где друга пуля убивает.
Его улыбку помню я,
он был в душе таким ранимым.
Не дождалась его семья
с войны живым и невредимым.

Какая в доме тишина,
сопят сынишки-одногодки,
а у меня в ушах война,
и по горам бьют самоходки.
Ракеты красная звезда
опять накличет похоронки,
и целит в сердце мне беда,
что где-то прячется в «зеленке».

Мне говорят, что все пройдет,
что было – будет позабыто.
А у меня в глазах наш взвод
и лучший друг, в бою убитый.
И по ночам, и среди дня
я сам не свой, я будто пьяный:
в моей душе горит Чечня
незаживающею раной.

Я знаю, нет моей вины,
что я живым из боя вышел,
что там, в чеченской стороне,
не друг, а я в аду том выжил.
Где у невзрачной высоты
земля горела под ногами,
где жизни нежные цветы
война топтала сапогами.

ОТРЫВОК

Положи, рядовой, на комод
ордена и медали,
чтобы в праздник надеть их
на штопанный внучкой пиджак.
Валерьяны накапай в стакан,
чтобы нервы не сдали,
и по грешной земле сделай
Богом отмеренный шаг.

Подтянись, старшина,
в назиданье соседским мальчишкам.
Отпиши сыновьям
или в тесном семейном кругу
расскажи о войне
не по кем-то написанным книжкам,
а по жизни своей,
что не всяк пожелает врагу.
.....

Веселей, лейтенант!
Отшагали свое не сполна вы,
растревожила душу, видать,
золотая капель.
Вы слегка пригубили бокал
героической славы,
вопрошая о мире земном
неземную купель.

Погрусти, ветеран,
что не все в этом мире, как надо,
что идут похоронки
сквозь щебет и галочий гам.
И на тот же комод
за сыновье служенье награда
молча ляжет – к отцовским
Отечественным орденам...

Олег МОШНИКОВ

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Этаж был выделен – на сдачу
частичных выплат за Чечню:
оплачен долг, покой оплачен

с лихвою – лопай, не хочу.
Дышал весною мир Кавказа,
кипели реки в Кабарде...
Качали парни из спецназа
наш санаторий МВД.
Качали стены, борщ горячий,
сбивая муху на лету,
качали мирный город Нальчик
и пили воду, да не ту.

И после сборов и застолий
в палате тихо... Не уснуть:
накроет боль волною – стоит
растяжку тонкую зевнуть.
И где уж тут остановиться...
Режим... Походы по врачам...
Ребятам не дает забыться
спирт разведенный по ночам.
И третий тост – из новой банки.
И «воевавшему» в тылу
штабисту оборвали планки
в хмельном и праведном пылу.

На то спецназ – народ не робкий,
хлебнули всякого дружки...
Трезвеют от бутылки водки
при расставанье мужики.
Последний залп и хлеб – по кругу.
Часы вокзальные спешат...
Мир, как отрезанную руку,
вновь будет чувствовать сержант.
До донца, медленно, глотками –
хмельнее боль, пьяней вина!
Но в опорожненном стакане
все не кончается война...
*г.Нальчик-г.Петрозаводск,
2001-2008 гг.*

Валентина АКИМОВА

ТИХИЙ ЧАС

Шурочке Пашенцевой

Девочку из Грозного
Шурочкою звали.
У девочки из Грозного
глаза полны печали.
Шурочка из Грозного
в тихий час
спала, дрожа от страха,
не закрывая глаз.

Девочка из Грозного
все время к маме жалась...
Девочке из Грозного
внове тишина,
даже в краю мирном –
для нее война.

Владимир СУДАКОВ

* * *

В моем отцовском доме
с грядками под окном,
а дале – финские скалы
и русские облака –
живет «афганец».
Он тих и неслышен.
Только остерегающе лаает
от крыльца его
страж-овчарка.

В поселочке Найстенъярви,
который в сорок четвертом
наши брали – с «катюшей»,
живет «чеченец»,
обезноженный миной.
Но как его любит дева!

Я знаю «серба».
Из тех, что сняли «Stells» с небес.
Уроженец Петрозаводска.
Его прадедовский дом
стоял на обрыве у Лососинки,
где теперь –
целит чугуном в Онего
петровская пушка.

А родина моего поколения,
чьи отцы – фронтовики,
это остров Даманский.
...Чу, звонит тесть-ветеран!
2010-2012 гг.

Татьяна ЩЕРБАНОВА*
Петрозаводск - Москва

ПОПУТЧИЦА**

...а ей уже все равно, как движется время,
и что сегодня творится в Загребе или в Каире.
главное – завтра дождь, а значит, опять колени,
и ладно бы отмолила... ехать часа четыре

до Владимира, потом рейсовым по бездорожью,
по безлюдью, российскому безграничью...
пробежала жизнь не озерной дрожью –
был и страх, и страсть, и пернатость птичья...

«когда в 41-м Илюшка пришел с войны,
ну да, без ноги, да кто ж тогда целым был?
нам счастья выпало больше каким иным –
соседа вернули парализованным,
только глазами вертит туда-сюда,
Людка – жена его – плакала целы дни.
годы такие – в каждом дворе беда,
в каждом доме... Господи, не верни...

в 49-м, страшный ненастный год,
взяли Илью-то, пишут, мол, истый враг,
помню – уводят, а у солдатика рот,
будто у барышни, но отпечатан шаг.
что-то насвистывал и в сапоги глядел,
брызгали блики от чищенных тех сапог.
а на скатёрке как-то ненужно рдел
орден военный... да что там, прости их Бог...

а Ленинград довоенный тот жил так жил!
всюду извозчики, Невский, песни Утесова.
ох, сколько потом из людей потянули жил
по плану по этому, как бишь его – барбароссову...
тетка моя по блокаде в могилу сошла,
не дождалась горемычная, не утерпела.
на Знаменской площади церковь когда-то была,
да вроде сгорела...»

...а ей уже все равно как движется время,
и старость ее прозрачна, и мысли светлы,
но рядом все бродят, к себе призывая, тени...
и главное – завтра дождь...

*студентка Литературного института. – Прим. сост-ля.

** Перепечатано из «Литературной газеты». – Прим. сост-ля.

10. СМЕТАЯ ПЫЛЬ С ПЕЧАЛЬНЫХ ПЛИТ...

Сергей ОРЛОВ

* * *

Его зарыли в шар земной,
а был он лишь солдат,
всего, друзья, солдат простой,
без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля –
на миллион веков,
и Млечные Пути пылят
вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
метелицы метут,
грома тяжелые гремят,
ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
положен парень в шар земной,
как будто в мавзолеей...*

* «Стихотворение Орлова «Его зарыли в шар земной»... звучало в момент захоронения праха Неизвестного солдата у Кремлевской стены». А.А.Шпак. Комсомол Карелии в Великой отечественной войне. Петр-ск.: Карелия, 1984. С.67.

Андрей КАРПИН

* * *

Ночь приземленно хороводила
кругами редких фонарей...
А в небе отражалась Родина,
где звезды –
 слезы матерей,
салютный залп над обелискам
и отблеск, отсветы погон...
Закатным звездам, небу низкому
и Родине моей –
поклон.

Павел ШУВАЛОВ

* * *

Сметая пыль с печальных плит
у Вечного огня,
не потревожьте тех, кто спит
за вас и за меня.

НАПИШИ ПАРУ СЛОВ О СОЛДАТЕ РОССИИ...

Снова ветер в лицо,
снова ливни косые.
Полустанок ночной
или шумный вокзал...
«Напиши пару слов
о солдате России.
Вот хотя бы об этом», –
товарищ сказал.

Все торопимся мы,
вечно время нас душит,
и порой недосуг
оглянуться назад.
А с застывшего снимка
взглянули мне в душу
незнакомого русского
парня глаза.

От наветов лихих
и от подлой неправды
шесть столетий назад
рассудивши, кто прав,
в тех глазах заполощет
рассвет над Непрядвой
и заря полыхнет
у Полтавских дубрав.

А Афган, а Чечня...
Ту винить, вроде, некого.
Вроде, нам уж другого
вовек не дано?
Только помнит народ
про разъезд Дубосеково!
Только помнит Россия –
Бородино!

Мы защитников наших
взрастили в сраженьях.
Я хочу, чтобы это
забыть ты не смог.
...Вновь тревожный гудок.
Поезд начал движенье.
Я по-русски желаю:
«Храни тебя Бог!»

Пусть в пути будет небо
безоблачно синим,
пусть минует и пуля,

и горный обвал...
«Напиши пару слов
о солдате России.
Вот хотя бы об этом»,—
товарищ сказал.
Март 1995 г.

Наталья ЛАЙДИНЕН
Петрозаводск – Москва

* * *

Опять земля под ногами горит.
Удар – наотмашь, нервы – навзрыд.
Уходит в ночь и твой спецотряд,
а жены ждут, стареют, не спят.

Их бьют отголоски взорванных мин,
война – судьба неробких мужчин,
но раз один Господь в небесах,
к чему страдания в женских сердцах
по эту сторону – и по ту?

Мы все прошли кошмар, немоту,
надолго хватит потерь и скорбей,
уж лучше – просто делать детей!
Вновь нет известий, писем, звонков.
Ты сердцем к смерти безвестной готов.

И даже больше, чем эту войну,
я ненавижу сейчас – тишину...

* * *

Все разлуки тебе простила
и ни в чем нем хочу винить:
ты из воинства Михаила,
только голову преклонить
и коснуться легко ладоней –
горько помнить губам их вкус.
Долги дни в одиноком доме,
за тебя у окна молюсь:

– Вы летите, слова, как стрелы!
Будет скоро повержен враг.
Защитите и дух, и тело
от скорбей и чужих атак.
Я не верю плохим приметам,
лишь у сердца есть с небом связь.
Осени меня дальним светом,
чтоб ты выжил, я – дождалась!

* * *

От таких мужчин
не требуют дома, покоя, семьи,
привычки, подданства.
Страсть ли, схватка в ночи,
ранят руки твои
безрассудностью.

Безусловностью!

– Ты вернешься?

– Молчи!

С прежней ровностью.

Пыль клубится вдали.

Бой у стен крепостей.

– Только б душу спасли!

...В ожидании жертвенном

вечно Бога молить,

жечь огонь от лучин.

– Женщина!

Рожают детей

от таких мужчин!